

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

РИНЦ 358-05/2015

ISSN 2412-8953

УДК 8

ББК 80/83

**Международный научно-
практический журнал**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№2 / 2016

Нижний Новгород

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический электронный журнал. – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. – №2. – 52 с.

ISSN: 2412-8953

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» №2/2016 включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в номер журнала, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала www.faspect.ru

УДК 8
ББК 80/83

ISSN: 2412-8953

Редакционный совет:

Плесканиук Т.Н. – главный редактор, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, член диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансов и банковского дела Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

Пацюкова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Сартакова Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций филиала Южно-Уральский государственного университета г. Снежинска.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Равочкин Никита Николаевич**
РОЛЬ ИМИДЖА АВТОРА ДЛЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР – ЭЛЕКТОРАТ») 5

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

- Багрий Мария Григорьевна**
ХУДОЖНИЙ СВІТ ПОЕМ «КАЇН», «МОЙСЕЙ», «ХРИСТОС», «ВААЛ» ВОЛОДИМИРА
СОСЮРИ 10

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Мукушева Гульсум Рамазановна**
МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ 17

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Нагорный Игорь Анатольевич**
ОТВЕТНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ЧАСТИЦ В РЕЧЕВОМ НЕЧЛЕНИМОМ
ВЫСКАЗЫВАНИИ..... 21
- Твердохлеб Ольга Геннадьевна**
ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ
СОЗДАНИЯ..... 26

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Кулешова Анна Васильевна, Сутурмина Дарья Александровна**
АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
КАК СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА..... 30

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Огнева Елена Анатольевна**
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ “ВИЗАНТИЯ”: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В
РОМАНЕ Б. ВАСИЛЬЕВА «КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ» 33
- Штеба Алексей Андреевич**
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ДЕЭМОЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕЧИ
И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МИМИКРИИ 40

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Гейко Наталья Романовна, Лапшина Наталья Валентиновна**
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ 45

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ

- Ярема Татьяна Владимировна**
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ 49

УДК 808.5

РОЛЬ ИМИДЖА АВТОРА ДЛЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР – ЭЛЕКТОРАТ»)

Равочкин Никита Николаевич

Кемеровская государственная медицинская академия

THE ROLE OF THE AUTHOR OF THE IMAGE TO THE TARGET AUDIENCE (AN EXAMPLE OF COMMUNICATIVE IMPACT, «THE POLITICAL LEADER – THE ELECTORATE»)

Ravochkin Nikita Nikolayevich

Kemerovo state medical academy

Аннотация

Проблема необходимости говорить на языке, понятном не только лишь автору, но и аудитории, наиболее остра в современной общественной жизни. Не является исключением и политическая сфера. В предлагаемой статье автор уделяет внимание коммуникативному воздействию «политический лидер – электорат». Проанализированы речи наиболее известных российских политических лидеров.

Ключевые слова: коммуникативное воздействие, образ, автор, аудитория, политика, политический лидер, электорат.

Abstract

The problem of having to speak in a language understood not only the author but the audience is most acute in modern society. The political sphere is no exception. In this article the author pays attention to the communicative impact, «the political leader - the electorate». The most famous speeches of Russian political leaders are analyzed.

Keywords: communicative influence, the image, the author, the audience, politics, political leader, electorate.

Образ автора и аудитории являет собой тему, актуальную и вечную. Сколько выступлений, столько и новизны, поскольку каждый раз человек, выступающий перед аудиторией, даже будучи самым раскрепощенным оратором, не в силах заранее полностью просчитать реакцию, как на свою речь, так и на себя. И только в реальном времени, т.е. «здесь и сейчас», опытный коммуникатор способен определить перцептивную способность аудитории. Установить, что будет показателем того, насколько он владеет данной аудиторией, смог ли он удержать интерес к своей персоне – от этого зависит эффективность усвоения и переработки информации. Особенно остро это необходимо понимать в рамках предвыборной кампании, поскольку от эффективности коммуникативного взаимодействия по схеме «политический лидер – электорат» зависит поведение второго компонента, а значит, и успешное преодоление необходимого барьера первым.

Определимся в понятиях. Что мы будем понимать «электоратом»? Обозначим за электорат круг избирателей, голосующих за определенную кандидатуру или политическую партию на выборах того или иного уровня. В более широком значении это слово употребляется как синоним избирательного корпуса страны. Ведь дело не только на этапе выборов, но и при непосредственном осуществлении собственной деятельности у политика

присутствует потребность в электорате. Именно в последнем значении электорат представляет собой ту аудиторию, к которой мы будем обращаться.

По поводу политического лидера отметим, что это человек, наделенный определенным объемом полномочий в целях формирования и выражения интересов и целей других людей в политической или общественной сфере. Кроме этого, он должен мобилизовать свою целевую аудиторию для выполнения определенных действий. Краеугольным камнем здесь выступает именно его образ, т.е. имидж (порой ошибочно понимаемый исключительно как внешний антураж), одним из компонентов которого являются и речевые компетенции.

В политике одним из важнейших факторов воздействия на сознание окружающих является ораторское искусство. Таким образом, политикам, для успешного осуществления своей деятельности, следует овладеть техникой непосредственного контакта, как на индивидуальном, так и на массовом уровне. Практически это достигается мастерством риторики, представляющей собой не просто ораторское искусство с учетом голосовых данных и правильного литературного языка индивида, но и при соблюдении им логики суждений. Кроме этого, ключевыми являются умение творить в речевом выступлении и телесные характеристики — фигура, осанка, дыхание [5].

Общеизвестно, что политическая власть держится на власти воздействия через управление людьми разных политических взглядов и поведения. Мало кто, однако, до конца осознает, что это управление осуществляется через слово.

Уместным будет привести мысли известного специалиста в области политической рекламы С.Ф. Лисовского. С одной стороны, автор, осуществляя речевое воздействие, может делать акцент на специфических личностных особенностях (например: тяжеловесные интонации Ельцина, южнорусский акцент М. Горбачева, агрессия в речах В. Жириновского), с другой – политик, как правило, выбирает для себя роль с соответствующей ей речевой «маской». Этот выбор соответствующей коммуникативной стратегии осуществляется на основе прогнозирования реакции аудитории и ее ожиданий [4].

Мы солидарны с мнением Е.Е. Семенова, что коммуникация понимается как «общение и обмен информацией в обществе, т. е. социальная коммуникация; передача информации от одной системы к другой, посредством специальных материальных носителей, сигналов и опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов»[8].

Коммуникативный акт предполагает наличие собеседника, или нескольких собеседников. Именно вторая сторона политического общения является его индикатором успешности через обратную связь с адресатом.

Невербальная коммуникация не менее важна, чем вербальная, следовательно, политическому лидеру нецелесообразно пренебрегать собственным внешним видом и навыками невербального общения (куда принято относить жесты, мимику, темп и тембр голоса и т. д). Аксиоматично, что отсутствие доверия к внешнему виду политика или его манере держаться прямо пропорционально эффективности его донесения до целевой аудитории своего сообщения, даже вопреки злободневному для слушателей содержанию.

Политическая коммуникация – многоуровневый процесс, развивающийся под воздействием ряда факторов. Трансформации, происходящие, как в российской общественной жизни, так и в политической системе, обусловили изменение форм политического участия электората. Произошло отступление от устаревших советских «пропагандистских» форм политической коммуникации с логичным появлением альтернативных моделей политической коммуникативной активности.

Теперь, при осуществлении коммуникативное воздействие «политический лидер – электорат», человеческий фактор становится главной составляющей эффективной коммуникации. Это в корне отличает современное взаимодействие от информирования,

агитации и пропаганды, при которых человеческому фактору отводилась второстепенная роль.

Сейчас умение понять публику и правильно подать себя является ключевым для политического лидера любого уровня. Его нешаблонный, свободный и неформальный стиль, подчеркивающий индивидуальность политика, непринужденные, но выразительные жесты, уверенная и энергичная манера держаться, вызывают у электората ощущение искренности и честности. Имидж, как компонент коммуникативной структуры, теперь обеспечивает точность передачи информации при совпадении знаковых систем коммуникатора и получателя сообщения, выступая в качестве дешифратора сообщения. Язык аудитории, событийный и визуальный, открывает путь к дальнейшему дружественному маркированию аудитории [4].

В рамках нашей статьи имидж предстает как механизм воздействия на других людей, открывающий возможности влияния на сознательном и бессознательном уровнях.

Каждый инструмент воздействия, несомненно, обладает рядом основных функций, у имиджа это:

- номинативная – идентификация личности конкретного политика среди других (соратников, конкурентов), т.е. выявление отличительных черт и достоинств;
- адресная – обеспечение связи политика и целевой аудитории при реакции политика на запрос электората;
- коммуникативная – гарантия эффективного восприятия информации аудиторией, создание фундамента для положительного восприятия автора аудиторией с установкой на выбор конкретного кандидата;
- эстетическая – «сглаживание» негативных сторон образа автора при формировании впечатления, производимого на публику.

Говоря о перцептивной компетентности автора, отметим, что здесь принято учитывать определенный опыт, пронизательность и наблюдательность. Для этого рода компетентности политическому лидеру следует учитывать нижеследующие показатели:

- адекватность понимания психического состояния целевой аудитории;
- способность прогнозирования последствий собственного речевого поведения;
- умение понимать невербальную речь аудитории;
- соблюдение логики диалектики сложных ситуаций;
- эмпатийные способности;
- развитая саморефлексия.

Перейдем к текстуальным примерам. Наиболее ярким представителем современного политического дискурса является бессменный лидер партии ЛДПР В. В. Жириновский, выбравший для себя стилистику политического памфлета. Безусловно, выступления Жириновского следует слушать и смотреть, но не читать. Они являются хрестоматийными по т.н. «обучению харизме». Но его политический имидж и тематические вводные, порой, надолго устанавливают дискуссионную обстановку, с последующей публикацией в ряде СМИ статей с полемическим задором, где по своим оценкам само коммуникативное воздействие «политический лидер – электорат» с Жириновским «в главной роли» приобретает амбивалентную оценку.

Продолжая наш анализ, обратим внимание на полемические приемы В.В. Жириновского. Его эпатажные выступления, как правило, окрашены сугубой прагматичностью, апеллирующей к здравому смыслу россиян. В противовес этому, несколько страдает сама модель подачи информации целевой аудитории, будто Владимир Вольфович произносит агитационные речевки. Помещая свою речь исключительно в эмоционально-словесную упаковку, он способствует росту скептических тенденций к ее содержанию и пониманию со стороны аудитории.

Примером может послужить относительно недавнее его выступление по поводу эскалации военного конфликта между Россией и Турцией. По его словам, союзники Турции

по НАТО не станут вмешиваться, «не желая умирать в ядерном пожаре». Приведем более широкую цитату с выступления на радиостанции «Говорит Москва»: «Турки как восточные народы – их больше всего раздражает и волнует неизвестность. Они сейчас в бешенстве – и президент, и премьер-министр, и генштаб Турции – они не знают, что произойдет. Я бы на их месте сейчас боялся сокрушительного удара по Турции. Одно дурацкое действие президента, и страны вообще может не быть. <...> Её можно сокрушить ракетно-ядерным ударом. Стамбул уничтожить очень легко: достаточно одну ядерную бомбу в пролив бросить, и его смоеет. Это будет такое страшное наводнение, столб воды поднимется на 10-15 метров, и города не будет, а там 9 миллионов живёт» [3].

Кровожадность Жириновского проявлялась не единожды и в сторону бывших стран-участников ОВД: «Нам придется нанести удар по Польше и Прибалтике, где находятся НАТОвские ракеты и самолеты. Поскольку мы не можем допустить, чтобы хоть один самолет взлетел и нанес удар по России – мы будем вынуждены ударить первыми. За полчаса до взлета самолета. А чтобы быть уверенными – бомбардировки будут коварными. Америке ничего не грозит, но все мелкие, карликовые государства Европы перестанут существовать, будут сметены. И НАТО придется просить нас о переговорах – иначе мы им снова устроим май 45-го года» [2].

Амплуа, избранное лидером ЛДПР в Государственной думе, совпадает с ролью политического шута или, например, балаганного «деда». В процессе коммуникации он «жонглирует» шутками и прибаутками, лежащих вне дискуссионного поля. Еще одним речевым приемом, используемым В. Жириновским, является использование простых и общеизвестных фактов, с их последующим доведением до полного абсурда.

Проанализируем реакцию его аудитории. Нам кажется очевидным, что у В.В. Жириновского имидж несерьезного политика, связанный не с содержательной концепцией, но с формой и антуражем его политических заявлений. Отметим, что эпатажных выходов с ходом времени становится все меньше: несерьезный политик не смог бы стабильно сохранять место в политической элите. Кроме того, обращаясь к политологии, любопытным представляется, что ЛДПР – старейшая из действующих партий в РФ а сам ее лидер уже стал «патриархом» отечественной демократии. Жириновского не только слушают, но и слышат. Первоначально в самом начале политического пути Владимира Вольфовича внимание обращалось на его чудачества и выходки, теперь же аудитория сосредоточена на, бесспорно, глубоком содержании его речей. Аудитория сменила вектор восприятия с «Как говорит?» на «Что говорит?».

Перейдем к анализу образа еще одного «патриарха» отечественной политики, лидера КПРФ Г. А. Зюганову. В противовес В.В. Жириновскому, он не столь эмоционален и эпатажен. Его речь порой кажется достаточно обезличенной. Даже в рамках предвыборных кампаний, он, создается впечатление, как бы «прикрывается» своей партией, отводя себе далеко не первое место. Этот прием вполне логичен и понятен. Идеологическая установка советских времен указывала на то тезис «Не что партия для тебя сделала, а что ты для нее сделал».

Через годы Г. А. Зюганов проводит этот принцип и в своей предвыборной речи 2012 года: «Мы вернем народу величайшее завоевание Советской власти – всеобщее бесплатное образование. <...> В течение года мы пересмотрим все антинародные законы, навязанные стране «Единой Россией». <...> Мы проведем укрупнение авиакомпаний, создадим современную региональную авиацию, примем меры для обеспечения безопасности полетов. Специальное внимание мы уделим строительству новых скоростных магистралей» [6].

Далее, по нашему мнению, целесообразно заметить, что личное местоимение единственного числа все же используется, но исключительно в кульминационных моментах, являющихся наиболее значимыми и касающихся не только россиян. Показательной будет, например, предвыборная речь, в которой упоминалось создание нового Союза братских народов: «Я сделаю все возможное для ускоренного сближения стран, входивших в состав СССР. Будет формироваться единое экономическое

пространство России, Белоруссии, Украины и Казахстана. Мы обеспечим создание прочного Союзного государства Белоруссии и России». В той же речи он употребляет «Я» по поводу укрепления обороноспособности страны: «Я твердо обещаю вам самостоятельную и миролюбивую внешнюю политику, защиту нашей Родины от внешних угроз. Я убежден: народное большинство обязано победить и установить свою справедливую власть».

Следует отметить, что Г.А. Зюганов применяет и особый полемический ход, заключающийся в обвинении своих оппонентов с указанием фамилий. Это свидетельствует о том, что его противниками являются конкретные люди, но не политическая система России: «Правительство народного доверия прекратит сердюковский погром Армии и Флота» [6].

Малоэмоциональная зюгановская речь, тем не менее, находит отклик среди аудитории. По нашему мнению, именно продуманность акцентуации создает необходимую реакцию, порой даже по принципу «лишь бы не...» с явным историческим уклоном: «Установление двухпартийной системы и противоборства коммунистов, как старой гвардии в деле руководства страной, и гвардии молодых да рьяных «новоиспеченных» единороссов было бы куда более лучшим мезальянсом борющихся сил. Нежели показное противоборство за руководство страной единороссами и партией, которую планирует создать миллиардер Прохоров. <...> Прохоров – проект Путина <...> народу требуется новизна, вот они ее и затеяли..новизну для народа, а власти Путина лучше конкурировать с партией Прохорова, частного. <...>

Путин, предвидя будущее, просто выводит из политической борьбы изживших Жириновского и Зюганова. Но с коммунистами ему так просто не распрощаться... эту борьбой я вижу в будущем» [9].

В заключение обратимся к дискурсу В.В. Путина. Основа профессиональной деятельности главы государства, безусловно, связана с коммуникативной компетентностью. Речь президента Российской Федерации, по нашему мнению, содержит афористичность, лаконизм, динамичность и экспрессивность.

Одним из примеров может служить речь из Валдайского выступления В. Путина. В рамках дискуссии по поводу Украины, он позволил себе рассказать анекдот, объясняя свое дальнейшее выступление: «Мне бы очень не хотелось, или, так скажем, я бы лучше был пессимистом, который пьет коньяк, чем оптимистом, который нюхает клопов. Хотя, конечно, вроде бы оптимистам живется веселее, но все-таки, наверное, общая наша задача – не злоупотребляя алкоголем – жить на каком-то приличном уровне. Для этого надо уходить от кризисов, вместе бороться с вызовами и угрозами и конструировать такие условия взаимодействия на международной арене, которые помогали бы нам решать эти задачи» [1].

Можно выделить такие, насыщенные фразеологизмами, высказывания В. В. Путина, обладающие повышенным эмоционально-экспрессивным фоном, как: «И нельзя снимать сливки с нефтегазовой отрасли целиком и сбрасывать их в экономику!»; «Пусть жену свою учат щи варить»; «У нас знаете, как говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанского. Но у нас риск осмысленный, продуманный и не выходит за рамки, когда мы не контролируем ситуацию»; «Но это всё-таки не блины печь!» [7].

Речевому стилю президента Российской Федерации наиболее свойственна, по нашему мнению, образность воплощения. При коммуникативном воздействии, они могут быть восприняты аудиторией как экспромт, толкование или обезличение.

Даже проанализировав речи наиболее известных отечественных политиков, становится очевидным, что акт коммуникативного воздействия «политический лидер – электорат» приближает (отдаляет) образ политика к (от) целевой аудитории. Порой это делается специально, с (без) учетом (а) среднестатистического представителя народных масс. Сегодня становится очевидным, что у аудитории российского электората (под)сознательное отторжение образа автора (не) происходит вследствие (не)эффективного применения коммуникативной стратегии конкретным политическим лидером. Примеры, приведенные выше, являются наиболее контрастно показательными и отвечают на запросы

отечественной (поли)ментальности и тем ожиданиям русской души, которые хочется услышать в речи политического лидера на конкретном историческом отрезке времени.

Библиографический список

1. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html> (дата обращения: 14.02.2016).
2. Жириновский заявил, что все вопросы войны и мира в Украине будет решать Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nbnews.com.ua/ru/news/129261/> (дата обращения: 14.02.2016)
3. Жириновский предложил вариант ядерного удара по Турции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://govoritmoskva.ru/news/60611/> (дата обращения: 14.02.2016)
4. Лисовский, С. Ф. Политическая реклама (функциональные и жанрово-стилистические особенности): дисс. на соиск. учен. степ. канд. филологических наук (10.01.1). – М., 1999. – 222 с.
5. Потемкина, О. Ф. Имидж политического лидера. – М.: МГУКИ, 2006. – 98 с.
6. Предвыборная программа кандидата в президенты России Геннадия Зюганова 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nextrus.ru/forum.html?catid=33&func=showcat&view=entrypage> (дата обращения: 14.02.2016).
7. Седых, А. П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В.В. Путина и А. Меркель // Политическая лингвистика. – №2 (40), 2012. – С. 39 – 45.
8. Семенов, Е. Е. Политические коммуникационные процессы современного мира. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Добролюбова, 2008. – 206 с.
9. Форум «Будущая Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nextrus.ru/forum.html?func=view&catid=34&id=439#460> (дата обращения: 14.02.2016).

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.161.2.09

**ХУДОЖНИЙ СВІТ ПОЕМ «КАЇН», «МОЙСЕЙ», «ХРИСТОС», «ВААЛ»
ВОЛОДИМИРА СОСЮРИ**

Багрий Мария Григорьевна

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Таврическая академия (структурное подразделение)

**THE ART WORLD OF THE POEM "CAIN", "MOSES", "CHRIST", "BAAL" OF
VOLODYMYR SOSIURA**

Bagriy Maria Grigorjevna

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Аннотация

В статье акцентировано внимание на том, что цикл «религиозных» поэм Владимира Сосюры является целым художественным миром, в котором использованы образы, мотивы, сюжеты и нарративные стратегии как Старого, так и Нового Заветов, космогонических

легенд и апокрифов. Исследовано, что в Сосюриных произведениях выразительной является попытка совместить ритуально-мифологические, религиозные, христианские представления с идеологическими доктринами и идеями большевизма, с определенными стереотипами советской системы. Творчество Владимира Сосюры в этом цикле проявляет тенденции герменевтической замкнутости тоталитарной системы на ретрансляции сакрального – как основного признака тоталитарной власти, ее идеологии, практики повседневной жизни.

Ключевые слова: sacrum, сакральное пространство и время, идиостиль, миф, текст и подтекст.

Abstract

The article is focused on the fact that the cycle of "religious" poems of Vladimir Sosyura is a whole art world, using images, motifs, themes and narrative strategies of both the Old and New Testaments, cosmogonic legends and apocrypha. According to research, the expressive attempt to combine the ritual-mythological, religious, Christian views with ideological doctrines and ideas of bolshevism and defined stereotypes of the soviet system is represented by Sosyura's works. This approach leads to the balancing of this cycle of poems (created at the height of Stalin's cult of personality) on the verge of a quasi-religious discourse and the most important principles of the doctrine of socialist realism. The work of Vladimir Sosyura in this cycle shows a trend of hermeneutic closed totalitarian system on the relay of the sacred – as the main characteristic of totalitarian regime, its ideology, practices of everyday life.

Keywords: sacrum, sacred space and time, idiosstyle, the myth, the text and the subtext.

Звернення до біблійних сюжетів та образів, їх інтерпретація є закономірним явищем для всіх часів та народів, є «високими зразками духовного подорослішання суспільства, яке протистоїть вкрай політизованим процесам сучасного «богошукання» [18, с. 13]. Вислів Віри Сулими є промовистою ілюстрацією до історії створення «нетипових» поем Володимира Сосюри.

На жаль, суспільство Країни Рад кінця 40-х років ХХ ст. в цілому не можемо вважати «духовно подорослішаним», воно зате є «вкрай політизованим», де прояви «богошукання» дозволялись виключно на рівні підсвідомості або ж у спеціально відведених та надійно захищених установах. В одній з таких, як було зазначено вище, перебував на початку 1930-х та наприкінці 1940-х років митець: «Сосюра психічно захворів, – писав у листі-донесенні завідувач агітпропом ЦК КП(б)У Іван Кулик у 1934 році. – У нього явище шизофренії, маніакальний стан, елементи еротичного психозу. Він бешкетує, компрометує радянські установи і т. ін.» [9]. За Віктором Костюченком, «звернення до біблійних тем пояснюється, очевидно, душевним станом поета, який на той час уже втратив і Віру, і Надію, і Любов. Пошуки цих одвічних людських ідеалів – предмет художнього аналізу згаданих творів. За біблійними сюжетами криється сучасність» [10, с. 123].

Релігійні мотиви, які з'являються в ліро-епічних творах Володимира Сосюри у кінці 1940-х років, є надзвичайно цікавим матеріалом щодо світоглядної еволюції автора. Митець, який, здавалося б, уже цілком «вріс» у ідеологічну структуру радянського суспільства, який був одним із апологетів соціалістичного реалізму як художньої доктрини, апелює до метафізичних ідей, до релігійного світовідчуження.

Поєми Володимира Сосюри 1948 року «Каїн», «Мойсей», а також наступного, 1949-го – «Христос», «Ваал», що з'являються, як зазначає В. Краснікова, у хвилини великого душевного відчаю у психоневрологічному диспансері, де він перебував з грудня 1948 р., майже не досліджені в українському літературознавстві. Окремі аспекти цих творів розглянуто в публікаціях Володимира Антофійчука [2], Віктора Гриценка [7], Валентини Краснікової [11], Світлани Неміш (Вардеванян) [12].

Отже, у часи панування матеріалістичного світогляду, заперечення, а точніше, ігнорування Бога та Диявола, Володимир Сосюра інтерпретує Біблію. Як відомо, інтерпретація – це тлумачення чогось, його переосмислення та відтворення на рівні власного

сприйняття. «Інтерпретація [...] не може бути вичерпною, бо не є вичерпним зміст художнього твору. [...] [Вона] дає могутній поштовх для пошуків, роздумів, поглиблення знань, загострення естетичного почуття, розуміння прекрасного, а отже – творчості» [14, с. 19].

Важливим аспектом у дослідженні поетикальних та ідіостильових особливостей трансформації біблійного матеріалу в поемах Володимира Сосюри є те, що вони виявляють повернення до біблійно-образного джерела навіть у часи домінування атеїстичного дискурсу влади, що в свою чергу зумовлює намагання митця пристосуватися до вимог офіціозу та ідеологічних табу.

Одночасно звернення Сосюри-поета до євангельських мотивів, сюжетів, образів є підтвердженням того, що художня трансформація та функціонування цього культурно-історичного, релігійного, аксіологічного надбання юдеохристиянської цивілізації «винятково різноманітне за формами і способами його трансформації, зумовленими соціально-ідеологічними та філософського-психологічними установками культурно-історичної епохи, яка їх сприймає, своєрідністю авторського задуму, ерудицією письменника та ін. Це дописування, доповнення, художні перекази канонічних текстів, наукові тлумачення і т. п.» [1, с. 7–8].

Поєми Володимира Сосюри стоять у цілому через ті твори світової літератури ХХ століття, які «самим заголовком претендують на своєрідну «канонічність» викладеного в них матеріалу [...]». Ці твори мають своєрідний екзегетичний характер і в сукупності складають світську історію життя й діяльності Ісуса Христа, демонструють неортодоксальне сприйняття Месії в різні культурно-історичні епохи в різних національних контекстах. Подібні «євангелія», як правило, зосереджені на реконструкції життя Христа, а також на розвиткові новозавітних метафор і замовчуваннях, ледь окреслених ситуацій, які в нових варіантах набувають емоційно-психологічного та предметно-побутового наповнення» [3, с. 9–10].

Художній світ поем Володимира Сосюри «Каїн», «Мойсей», «Христос», «Ваал» будується на своєрідному накладанні двох різних і різнорідних часо-просторових площин, кожна з яких має певне сакральне закорінення (як у міфологічно-ритуальному просторі, так і у тексті Святого Письма), а разом з тим будується на контамінації з ідеологічною та ідейно-естетичною доктриною більшовизму. Перша з цих різнопланових площин, які присутні в поетичному циклі В. Сосюри, – це хронотопна площина біблійних подій, що отримує особливу інтерпретацію. Друга площина – це сучасний світ автора. Кожен хронотоп, який характеризує людське буття у світі та екзистенцію окремо взятої особистості, на переконання Мірчі Еліаде, «не є однорідним; він складається з розривів, тріщин, існує священний простір, він «могутній», значущий, і існують інші простори, не святі». Така «відсутність однорідності простору полягає в усвідомленому протиставленні святого простору, при цьому тільки він є реальним, справді існуючим, і того хаосу, що його оточує, решти світу» [8, с. 12]. Оскільки для людини віруючої, продовжує Мірчі Еліаде, «час, як і простір, не є однорідним і безперервним, існують відрізки священного часу, часу святкувань (здебільшого періодичні); з іншого боку, існує і час мирський, звичайний проміжок часу, в який відбуваються дії, що не мають релігійного значення» [8, с. 36], то між профанним, земним часом і часом сакральним «наявний зв'язок безперервності; однак через ритуали віруюча людина може без перешкод “перейти” зі звичайного часу в час священний» [8, с. 36–37]. Такий перехід у поемах Володимира Сосюри здійснюється від представлення подій сакрального часу до зображення його особливих переживань (зокрема, й побутових чи еротичних), які стають ніби ілюстрацією того, як сакральний час і простір можуть поєднуватись із сучасністю самого автора й навіть із його особистою долею. Накладання задекларованих вище площин дає можливість митцеві створити особливий художній світ, який поєднує світський і сакральний час, оскільки «священний час за самою своєю природою повторюваний, він має здатність ставати теперішнім, а будь-який літургійний час є реактуалізацією священної події в міфічному минулому, “на початку” [8, с. 37]. Разом ці дві

темпоральні площини творять у поетичному світі чотирьох ліро-епічних текстів своєрідну амальгаму: на першооснові біблійного та апокрифічних текстів твориться новий текст. Він є конгломератом цілого комплексу факторів: стилю, авторської поетики, ідеологією та особливостей його історичної епохи. Таке зближення, контамінація в художньому тексті «між сакральним і світським ніколи не реалізується у повній мірі й залежить від волі митця, виступаючи знаком історико-культурної епохи, як, наприклад, бароко або романтизм. Інколи активність одного з цих двох першоелементів послаблюється, й тоді достатнім буває введення окремих мотивів у протилежний їм контекст. Так у світську культуру потрапляють окремі сакральні мотиви. Вони входять у неї на правах цитати-алюзії» [17, с. 31]. Одночасно ж для соцреалізму, який для художньої літератури є методом і мистецькою метою втілення ідеологічних доктрин, сакральний міф дозволяє виразити найважливіші елементи ідеологічних доктрин у метафоричній формі: «Сакральний простір, час, “завойована” природа, homo totalitaricus стають основними учасниками тоталітарного міту – найповнішої реалізації тоталітарної сакральності. Міт, як “взірцева модель”, актуалізується тоталітарною культурою, яка схильна ідеологічно схематизувати онтологічний простір. [...]. Тоталітарна культура представляє кілька мітів. Це – міт про творення (“острова”, “дому”, “Країни Рад”), міт про золотий вік, який пов’язаний з апологією майбутнього, міт про “країну героїв” і, врешті-решт, міт про “нову країну” [19, с. 326]. У цьому контексті слід пам’ятати, що, за Мірча Еліаде, міф, «розказуючи» історію, стає незаперечною істиною, «він завжди є розповіддю про творення: він розповідає, як щось сталося, як воно почало бути. Ось чому міф рівнозначний онтології: в ньому йдеться лише про дійсне, про те, що справді відбулося, проявилось цілком» [8, с. 51].

Звернення до сакрального тексту, його поетики виявляється в циклі поем і на рівні стилістики – у біблійних стилізаціях, алюзіях, зрештою, мотивах і в образній системі творів. Поеми мають і деякі яскраво виражені елементи неоромантизму, що проявляється у поєднанні реального та релігійно-міфологічного світів. «Ваал» своєрідним чином відкриває художній світ космогонічних подій, представлених у цьому циклі. Образ Ваала у Володимира Сосюри з’являється вже у поемі «Слово», написаній в 1930-х роках. Тут його слугами автор називає тих, хто заважає будувати загальносуспільне щастя: «...На горі всім синам Ваала / Проб’єм до щастя ми вікно» [15, с. 13]. Поема розпочинається заспівом, який мав би поєднати ідею народження людства поза межами земної кулі й міфологічну космогонію. Цей пролог є своєрідним передчуттям наближення епохи освоєння космосу людиною: «За зорями, зорями в далях безмежних / а може, між зорями й скрізь / у зміні матерії, в темі і пожежах, / що в вічному борінні сплелись, / у хорах надземних жили легіони...» [15, с. 78].

Антагоністами у цьому світі виступають Демон (який «був іскристий, як вічне проміння, як музика і аромат») та Ваал («Стуманені крила, / як очі, і очі пусті, / пусті і холодні...»), якого «не любили / його побратими святі». І хоча «світла гіганти завжди воювали / з гігантами злоби і тьми» [15, с.78], але коли їх зрадив Ваал, темні сили перемогли. Ваал назвав себе Саваофом і, «зіпершись на молнії й тьми легіони», почав панувати. У космогонічній картині поеми можна добачати спробу міфологізації народження «нового світу», яким бачився для радянської ідеології комуністичний проект. Валентина Хархун пише, що «теургія постреволуційного життя (після 1917 року) визначалась конституванням радянської ідеології, яка претендує на встановлення нового світопорядку. У цьому разі вона входить у систему “Хаос – Космос” і підпадає під кваліфікацію “священного явища” [18, с. 321]. Одночасно слід мати на увазі твердження Мірчі Еліаде про те, що, «зовнішньо абсолютно секуляризовані, нацизм і комунізм насичені елементами есхатологічного бачення світу. Вони проголошують кінець старого світу і початок Ери достатку і блаженства» [8, с. 76].

Тут варто зауважити, що мотив війни, який зустрічається у всіх чотирьох поемах Володимира Сосюри (виражений у концепті «боротьби») цього «релігійного» циклу, є одним із важливих складових соцреалістичного світобачення: йдеться про те, що «один із полюсів

“боротьби” (класової, соціальної, національно-визвольної – М. Б.) безпосередньо сусідить із ділянками майбутнього: спочатку підготування до світової революції, потім до світової війни, накінець, гостра боротьба за мир. Вплив цього полюса є таким, що при всьому негативному заряді, яким дискурс соцреалізму відмічає війну, мрії про щасливе суспільство часто контамінуються з картинами “останньої війни” [...]. Відбувається своєрідна утопізація війни» [6, с. 293].

У поемі «Каїн» «земна частина» космогонічної концепції Володимира Сосюри (коли йдеться про земне кохання) набуває поглибленого і розширеного розвитку. Автор робить спробу осягнути крізь призму образу братовбивці феномен любові та зради [16, с. 12]. До того ж концепт «зрада» розкривається на особистісному та націо- й державотворчому рівнях. У 1948 році митець дізнався, що його дружина, його «синьооке щастя» Марія Гаврилівна – агент МДБ «Даніна» [7, с. 10]. Творчість стає тією іскрою, що не дає впасти в забуття, примушує думати, шукати себе в «двох Володьках» у Країні Рад: «...Не погас / натхнення шал од атропіна, / а став ще дужчий!.. Люміналь, / ще й ти шумиш мені у жилах / і в серце шлеш дзвінку печаль?!» [16, с. 7].

Із перших рядків поеми читач мимоволі шукає у тексті підтекст, що, на наш погляд, доволі прозоро прочитується на рівні образної системи та авторських відступів. Як і в поемі «Ваал», у поемі «Каїн» представлено космогонічний міф про ангелів, які були скинуті на землю з небес. Демон тут – це «... ангел той, / який повстав на владу Бога / і впав ... / ... й разом із ним – мір'яди тих, / що йшли за ним у битву сміло...» [15, с. 16]. Ті, що впали разом з Демоном, це – «повстанців зоряні рої», які «зчорніли в муці» [14, с. 34], «в безодню впали і зчорніли» [15, с. 16]. Повторення цього мотиву, до якого В. Сосюра неодноразово повертається у своєму циклі, є алюзією революційної боротьби, пов'язаної із падінням Російської імперії, становленням незалежної України й утратою цієї незалежності. Богоборчий мотив у поемі «Мойсей» набуває антирелігійного звучання. Його можна вважати проявом ідеологічного дискурсу. У мареві Мойсеєві з'являється його мати й говорить: «... Ніколи не вір, / тому, хто дурив нас одвічно. / Не Бог він, а кривда, не янгол, а звір, / омана йому тільки звична» [15, с.50].

У протистоянні між гебреями (бо народ «в пісках / од голоду й спраги вмирає») крізь століття виразно прозирають проблеми роздертого українського суспільства (у період написання поеми триває чергова війна після війни – в Галичині): «І знову, мов рана, / Ізраїль роздертий катами навпіл, / тремтітиме в муці... Й мільйони могил / залишить по грізній дорозі...» [15, с. 50].

У поетичній структурі твору значну роль відіграє ліричне начало. Ідіостильова особливість творчості В. Сосюри проявляється тут яскраво й в оригінальних метафорах, які творять неповторну оптичну, слухову перспективу твору: у пустелі «плаче пісок, що від спеки, як мідь» [15, с. 48]; «ссяйво зірок / прорвалось крізь ночі тумани» [15, с. 48] тощо. Поема «Христос» у циклі релігійних поем – єдиний «новозавітний текст», побудований із використанням євангельських подій та образів. Вона ж одночасно (як і поеми «старозавітного» циклу), стає особливим художнім свідченням можливості «прочитування ідеології як релігії», і, власне, також є яскравим вираженням «релігієморфної ознаки» українського письменства в умовах радянської тоталітарної цивілізації. У заспіві з'являється образ зорі, котра, згідно з євангельською традицією, провістила народження Месії. У поемі – це один із образів, який можна трактувати як такий, що одночасно має семіотико-семантичне закорінення і в євангельському епосі, і в авторському епосі (Вифлеємська зоря / зоря комунізму): «...Зоре з небозводу, усіх віків омріяна зоря, / його прихід ти світу возвістила...» [15, с. 51].

В ідеологічній доктрині поеми «Христос» релігійне світоуявлення тісно переплітається з соціальними доктринами сучасності митця. Христос виступає у ній як реалізатор ідей, які цілком співзвучні з комуністичними пропагандивними кліше. Христос проголошує: «Не мир на землю я приніс, / Де пан раба, як вовк той, гриз, гризе і гризти буде...». Ці ідеї доповнюються картинами майбутнього раю, зображення яких майже

дослівно наслідують соцреалістичну поетику зображення «світлого майбутнього» – комунізму: «...Тільки в вільному труді / ми зможем світ прекрасний / здобуть! А труд од ланцюгів / ми звільнимо у битві» [15, с. 57].

Цьому «звільненому труду» (тобто тому, що в'яється із пролетаріатом) Христос закликає молитися, бо «другої молитви не знаю я» [15, с. 57], й тоді ідея пролетаріату запанує над світом: «І стане світ, як знамено, / без сліз, і крові, й муки, / без злих кайданів, без нужди...» [15, с. 57]. Пропагандивне кліше «братерства всіх народів» теж знаходить у творі своє відображення: «Самаритянину – єврей / подай братерську руку!» [15, с. 58]. Тут же з'являються алюзії до протиставлення комуністичного раю, який проголошує Христос, до капіталістичного ворожого світу (його уособленням є Рим), в якому нидіє пролетаріат: «...Рим – вампір, але і там, / у цім проклятім Римі, / такі ж, як ми, і руки нам / вони простерли...» [15, с. 58].

Володимир Антофійчук, наголошуючи на тому, що у творчості Володимира Сосюри «досить своєрідно інтерпретуються біблійні структури», вказує, що у поемі «Христос» на рівні подій та асоціативно-символічному підтексті простежуються акцентовані автором зв'язки між євангельським текстом та епохою «будівництва комунізму»: це й «революціонізація образу Месії», яка характерна для літератури першої половини ХХ віку, і «змістові та лексичні анахронізми, які до певної міри руйнують етичну відстань між євангельським універсумом і епохою-реципієнтом (поліцей, комунізм, мотори, стяги пурпурові, жандарми, куранти)...» [2, с. 144].

Метафора Олександра Блока – Христос, який крокує попереду революційних колон, несучи червоний прапор, – отримує особливе розгортання й ідеологічне вивершення в метафоризації образу Бога у Володимира Сосюри. У діалозі Анни та Іуди на питання останнього «Хто ж Бог?» Анна відповідає: «Народ. Комуна йому ім'я» [15, с. 70]. Підтвердженням такої паралелі є алюзія до образу Месії «в белом венчике из роз» [4, с. 545] в Олександра Блока; у В. Сосюри зображено візію Маріям розіп'ятого Христа на Голгофі, де вона його бачить / уявляє «лиш не в вінку з кривавих роз» [15, с. 77]. У контексті тієї ж метафори можна зрозуміти, чому Іуда проголошує Христа ледь не комуністом (додаючи, що він зраджує Месію з любові до нього, за його ж наказом: «Він хоче так. / На жертву він / іде в ім'я любові»); він – «Комуни син, народу син. / З його святої крові, / Що зростить поколінням путь, / Як стяги пурпурові, / мільйони янголів зростуть / з його святої крові...» [15, с. 73]. Можна погодитись із думкою про те, що «процес формування homo totalitaricus як квазі-homo religiousus передбачає вироблення взірцевих моделей поведінки та ідей, що забезпечують вписуваність людини у сакральний світ» [19, с. 326]. Тому червоні ангели можуть цілком стати прикладом для поколінь їх наступників і нащадків – «будівників комуністичного завтра». І наступні дві строфи поеми, які, можливо, були скорочені рукою автора, відкрито вказують, що для Володимира Сосюри можливим було синкретичне бачення сакрально-комуністичного світу: «Шумують юрби, як прибої, / Курантів в небі лине спів... / Вони ідуть, ідуть Москвою / В багрянім морі прапорів. / Їм стелять путь жоржини й рожі, / Що тихо падають з висот, / І Сталін, на Христа похожий, / Вітає радісний народ» [15, с. 79]. Ці строфи є своєрідним ідейним та ідеологічним продовженням заключних строф поеми Олександра Блока «Дванадцять», але в нових реаліях – культу особи Сталіна, яка в цей період дуже часто в художніх творах різних літератур поневолених народів СРСР набує сакрального забарвлення.

Поетика образу вождя (в останньому випадку – Сталіна) набуває в творчості Володимира Сосюри канонічних форм. У наведеному уривку присутні усі семантико-семантичні маркери представлення свята в соцреалістичному візуальному дискурсі: «багряне море прапорів», устелений квітами шлях, і вождь, який з трибуни вітає радісний і щасливий народ. Володимир Моренець називає це явище «одописним каноном», наголошуючи, що «світлі настрої, мажорні інтонації, апологія простих земних радостей, що і мають найвищий смисл, – цим відзначається лірика перших повоєнних років» [13, с. 327]. Спроби в художніх поемах Володимира Сосюри, окрім художнього перепрочитання

біблійних сюжетів і мотивів, сумістити релігійні доктрини, євангельські історії та біблійну образну систему з сучасним йому комуністичним режимом (наприклад, зіставити, а навіть і ототожнити Сталіна та Христа, можливо алюзійно пов'язати Леніна й Мойсея в однойменній поемі чи образ червоних ангелів із комуністами), можна пов'язувати із ще однією особливістю поетики соціалістичного реалізму, яка ґрунтується на маніпулюванні масовою свідомістю та особливостях культурної пам'яті великих мас людей: «Культ вождя в радянській літературі пов'язаний з фундаментальними особливостями масової свідомості і має своїм джерелом стереотип (звідси – опора на історично напрацьовані культурні архетипи). Саме стереотипна свідомість культивується владою, оскільки такий тип світобачення найкраще піддається контролю, нормалізації й уніфікації з боку влади». Одночасно ж «стереотипна свідомість дозволяє “нормалізувати” світ розгубленого індивіда, який опинився під владою соціальних стихій» [5, с. 94].

Євген Добренко демонструє, як поетапно формується візуальний соцреалістичний канон образу вождя (у т. ч. й у письменстві): «Оскільки радянська література завжди була засобом безпосередньої репрезентації влади, ця репрезентативна функція ніде настільки повно не виявлялася, як в демонстрації вождя. Канонізація і міфологізація вождів, їх героїзація входять у генетичний код радянської літератури» [5, с. 74].

Така контамінація образу Сталіна та Христа стає в період апофеозу культу особи Сталіна закономірним явищем, що яскраво проявляється в художній літературі того періоду, зокрема – українській.

Ще одна релігієморфна ознака радянської ідеології – ідея порятунку, яка «передбачає віру в щасливе закінчення історії та перемогу добра над злом, інакше кажучи, прогресу над реакцією, і прихід комунізму [...]. Для тоталітарної людини “стара” релігійна ідея порятунку реформується в новітнє усвідомлення, що людське буття призначене не для страждання, а для формування історії [...]. Відзначаючись месіанським характером, соціалізм із ідеєю порятунку тісно пов'язує принцип богообраності, який проектується на пролетаріат. Це клас-месія [...]» [20, с. 165–166].

Загалом творчість В. Сосюри 1940-х років стає, зокрема, проявом того, як «тоталітарна цивілізація замикається на репродукуванні сакрального, що мало виразний християнський характер. Саме апеляція до християнських кодів як активізація традиції уможливила продуктивність і живучість тоталітарної цивілізації» [20, с. 171]. Художня спроба В. Сосюри «освоїти» євангельські наративні стратегії стає одночасно й намаганням реактивізувати квазірелігійну радянську міфологію.

Библиографический список

1. Андрусів С. Проблеми національної ідентичності / Стефанія Андрусів // Слово і Час. – 2002. – № 2. – С. 18–23.
2. Антофійчук В. Євангельські мотиви в українській літературі кінця XIX – XX ст. / В. Антофійчук, А. Нямцу – Чернівці : Рута, 1996. – 208 с.
3. Антофійчук В. Євангельські образи в українській літературі XX століття / В. Антофійчук. – Чернівці : Рута, 2000. – 335 с.
4. Блок А. Двенадцать / Александр Блок // Блок Александр. Избранные сочинения. – М. : Худ. литература, 1988. – С. 535–545.
5. Геллер Л., Боден А. Институциональный комплекс соцреализма / Леонид Геллер, Антуан Боден // Соцреалистический канон : [сб. статей] / [под общ. ред. Гюнтера Х., Добренко Е.] – М. : Академический проект, 2000. – [1040 с.]. – С. 289–319.
6. Гриценко В. Одкровення предтечі а чи сповідь пророка? Фантастика й реальність у поемах В. Сосюри “Ваал”, “Каїн”, “Христос” / Віктор Гриценко // Дивослово. – 2001. – Ч. 1. – С. 9–12.
7. Добренко Е. Метафора власти : Литература сталинской эпохи в историческом освещении / Евгений Добренко. – Мюнхен : Сагнер, 1993. – 408 с.

8. Еліаде М. Мефістофель і андрогін : Священне і мирське; Міфи, сновидіння і містерії; Мефістофель і андрогін; Окультизм, ворожбитство та культурні уподобання / Мірча Еліаде. – К. : Видавництво Соломії Павличко “Основи”, 2001. – 591 с.
9. Костюченко В. Один загадковий рік з життя В. Сосюри / Віктор Костюченко // Літературна Україна. – 1997. – № 31(11 верес.).
10. Костюченко В. Від “Червоної зими” до “Серця” / Віктор Костюченко // Вітчизна. – 1998. – № 11–12. – С. 122–130.
11. Краснікова В. Тема Каїна та Авеля в інтерпретації В. Сосюри / Валентина Краснікова // Актуальні проблеми української літератури і фольклору: [наук. зб.]. – Донецьк : Кассіопея, 2000. – Вип. 5. – С. 123–129.
12. Неміш С. Гностичні інтерпретації старозаповітної оповіді про Каїна та їх рецепція в українській вербальній культурі / Світлана Неміш // Sacrum і Біблія в українській літературі / [за ред. І. Набитовича]. – Lublin : Ingvarr, 2008. – С. 61–70.
13. Моренець В. Оксиморон : [літературознавчі статті, дослідження, есеї] / Володимир Моренець. – К. : Аграр Медіа Груп, 2010. – 528 с.
14. Приходько В. Б. Переклад як інтерпретація / В. Б. Приходько // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2004. – № 12. – С. 17–19
15. Сосюра В. Вибрані твори : у 2-х т. / Володимир Сосюра. – К. : Наук. думка, 2000. – Т. 2. – 552 с.
16. Сосюра В. Каїн : [поема] / Володимир Сосюра // Київ. – 1990. – № 12. – С. 7–25.
17. Софронова Л. А. О сакральном и светском / Л. А. Софронова // Софронова Л. А. Культура сквозь призму поезики / Л. А. Софронова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – С. 29–33.
18. Сулима В. І. Біблія і українська література : [навч. посібник] / В. І. Сулима. – К. : Освіта, 1998. – 400 с.
19. Хархун В. П. Освячення профанного : sacrum в українській літературі тоталітарного періоду / Валентина Хархун // Sacrum і Біблія в українській літературі / [за ред. І. Набитовича]. – Lublin : Ingvarr, 2008. – С. 319–327.
20. Хархун В. П. Соцреалістичний канон в українській літературі : генеза, розвиток, модифікації / В. П. Хархун. – Ніжин : ТОВ “Гідромакс”, 2009. – 508 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81/576/

МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Мукушева Гульсум Рамазановна

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

gmukusheva@mail.ru

THE MECHANISM OF SOUNDING SPEECH UNDERSTANDING

Mukusheva Gulsum Ramazanovna

Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz

Аннотация

Статья посвящена механизмам понимания речи, их связи с осмыслением и внутренней речью человека, которые необходимо для распознавания и понимания звучащей речи.

Ключевые слова: понимание, осмысление, спиралевидная модель, внутренняя речь.

Abstract

The article is devoted to the mechanisms of understanding and their connection with the comprehension of speech and the inner speech, which is necessary for the recognition and understanding of oral speech.

Keywords: understanding, comprehension, spiral model, inner speech

Рецептивные виды речевой деятельности чтение и аудирование являются объектом многочисленных исследований. По итогам проведенных экспериментов выявляются особенности восприятия и понимания звучащей речи, факторы, влияющие на понимание, и основные механизмы слуховой рецепции.

Процессы восприятия речи со слуха и при чтении анализируются как различающиеся по ряду параметров: пространственно-временной распределённости (письменный текст распределен в пространстве, а звучащий - во времени) и по параметрам устойчивости (вариантности, линейности) пересечения (в потоке речи фонемы могут «накладываться» одна на другую), а также легкости, трудности сегментации. Однако в данный момент для нас важно то, что восприятие речи со слуха и при чтении подчиняется некоторым общим законам переработки информации, получаемой через различные сенсорные каналы.

Как уже отмечалось в статье «Психологические особенности процесса понимания» (2015) термин «понять» означает уже не столько прямо отнести к старому, сколько выразить в форме новых выводов, новых понятий. Однако повторение слов говорящего (или повторного чтения текста) недостаточно для понимания. В связи с этим представляется важным исследовать вопрос о значении речевых выражений на различных ступенях понимания и этот вопрос связан с механизмом понимания: происходит ли понимание чужой речи путем воспроизведения частично или полностью этой речи про себя или оно ограничивается слуховым восприятием? Или вопрос может быть поставлен так: является ли восприятие чужой речи чисто слуховым или также моторным действием? /1, С 41/.

Вслед за Залевской А.А. мы определяем механизмы понимания как некие основополагающие принципы соответствующей деятельности, которые находят свое проявление в структуре, процессе, результате. Но при этом вовсе не ставится «сверхзадача» осветить все возможные принципы такого рода. Здесь можно привести мнение Т. Винограда о том, что невозможно определить все факторы, влияющие на какой-то конкретный образец поведения, однако перед когнитивной наукой может ставиться цель «определить природу механизмов, имеющих в распоряжении человека в процессе мышления, восприятия и понимания» /2. С 123-170/.

В «Кратком психологическом словаре» (1985) перечисляются следующие механизмы понимания: идентификация, проекция, социальная перцепция, эмпатия, инсайт, интуиция, каузальная атрибуция.

Термин идентификация (от лат. identificatio - отождествление) используется в разных значениях, специфичных для отдельных областей его применения. Так в психологии познавательных процессов под идентификацией понимается узнавание, установление тождественности какого-либо объекта, сходства или различия между объектами.

Под проекцией (от лат. projectio - выбрасывание вперед) понимается механизм психологической защиты, заключающийся в неосознаваемом наделении другого человека присущими данной личности мотивами, чертами и свойствами.

Социальная перцепция (от лат. percipio - восприятие и socialis - общественный) - это восприятие, понимание и оценка людьми социальных объектов (других людей, самих себя и т.д.)

Эмпатия (от греч. empatheia - сопереживание) понимается как постижение эмоционального состояния другого человека в форме сопереживания.

Инсайт (от англ. постижение, озарение) раскрывается как внезапное и невыводимое из прошлого опыта понимание существенных отношений и структуры ситуации в целом, посредством которого достигается осмысленное решение проблемы.

Под интуицией понимается эвристический процесс, состоящий в нахождении решения задачи на основе ориентиров поиска, не связанных логически или недостаточных для получения логического вывода. Для интуиции характерна быстрота (иногда моментальность) формирования гипотез и принятия решений. Психологический словарь (1985) уточняет, что «механизмы интуиции состоят в симультанном объединении нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры, направляющие поиск решения. Успешность интуитивного решения зависит не от выделения какого-нибудь одного информативного признака, а от сложившейся в ходе поиска мозаики признаков, в которой данный необходимый признак может занимать различное место. От этого зависит также возможность его осознания в качестве основания решения» (под модальностью в психологии понимаются слух, зрение и т.д.).

Каузальная атрибуция (от лат. *causa* - причина и *attribuo* - придаю, наделяю) - это интерпретация субъектом межличностного восприятия причин и мотивов поведения других людей.

Из приведенных определений видно, что речь идет и о механизмах понимания с точки зрения психологии и о механизмах этих механизмов, т.е. прослеживаются разные уровни или степени углубления в изучаемую проблему. Кроме того, рассматриваемые в названных словарях феномены фактически согласуются с основополагающими принципами отождествления, интегрирования разнородной информации, эмоциональной оценки.

Залевская А.А. (1988) ссылаясь на то, “что картина мира есть единство индивидуального и социального опыта” /3. С 84-91/, утверждает, что понимание никогда не начинается с нуля. Она предлагает спиралевидную модель процесса понимания, в основании которой лежит актуализированная первым словом воспринимаемого сообщения система связей по линии языковых и энциклопедических знаний индивида, включающая и все потенциальные выводные знания. /1, С 41/.

Узнавание и получение выводного знания взаимодействует с еще одним основополагающим принципом – механизмом смысловых замен. (Жинкин Н.И.) На основе собственных экспериментов Залевская А.А. сформулировала принцип субъективной эквивалентности слов как единиц индивидуального лексикона с акцентированием внимания на том, что для носителя языка такая эквивалентность устанавливается с опорой на параметры единиц лексикона, которые не учитываются в описаниях лексико-семантической системы языка, поскольку они являются достоянием психики человека и должны трактоваться с позиции взаимодействия всех познавательных процессов и особенностей психического отражения. О замене одних слов другими при понимании неоднократно говорил А.А. Смирнов, подчеркивавший, что “переход на более высокую ступень понимания характеризуется освобождением от скованности словесной формулировки” /4 /. Достаточно привести такой обычный пример, когда преподаватель просит студента передать содержание текста своими словами.

Переформулирование “своими словами” является одной из стратегий понимания: пока это не сделано, нет действительного понимания, а это свидетельствует о том, что формулирование – не простая внешняя манифестация понимания, но одна из его составляющих, позволяющая достичь желаемого результата /5, С 327/.

Особо подчеркивается роль смысловых замен вследствие того, что “мозг – это не просто устройство, перетасовывающее по некоторым правилам знаки, значения которых в конечном итоге ему недоступны, а когнитивная система, предметно-понимающая смысл той информации, с которой оперирует”/1, С 43/.

Смысловое восприятие речи на слух является перцептивной, мыслительно – мнемической деятельностью /6. С 5 -33/, которая осуществляется в результате выполнения целого ряда сложных, логических операций таких, например, как анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, абстракция, конкретизация и др. /7, С 213/. Рецептивные виды речевой деятельности, также как и другие виды речевой деятельности человека, имеют также внешнюю и внутреннюю сторону. Смысловое восприятие выступает в качестве внутренней

стороны этих видов речевой деятельности и представляет собой тот психический процесс, ту психическую функцию, посредством которой и осуществляется рецептивная деятельность. Восприятие (в слуховой или зрительной модальности) в процессе речевой деятельности определяется как смысловое, так как, во-первых, согласно С.Л. Рубинштейну, "...восприятие человека нормально включает акт понимания, осмысления"/8, С 198/. Во-вторых, в процессе речевой деятельности осуществляется восприятие смыслового содержания текста, представленного в звуковой или зрительной форме, что тем более предполагает осмысление.

Другими словами, посредством осмысления осуществляется смысловая организация воспринимаемого материала, которая всегда имеет место в процессе его восприятия. В условиях же необходимости последующего воспроизведения воспринимаемого речевого сообщения его осмысление предполагает как бы мнемически направленную смысловую организацию, которая в целях лучшего удержания осмысливаемого материала носит более выраженный характер.

Операционным механизмом такой смысловой организации воспринимаемого вербального материала служит перекодировка, являющаяся, по словам Дж. Миллера, "мощным инструментом для увеличения количества информации, которую мы можем обработать" /9, С 221/.

Осмысление, направленное на смысловую организацию материала, может привести к адекватному осмыслению того, что было заложено в тексте, а может и не привести. В первом случае можно говорить о понимании как положительном результате осмысления, а во втором о непонимании речевого сообщения.

Таким образом, очевидна необходимость строгого разграничения всех этих понятий: осмысление как самого общего процесса; смысловой организации как того, на что направлено осмысление; перекодировки как операционного механизма смысловой организации; реконструкции как следствия и результата смысловой организации и понимания как положительного результата осмысления.

Характеризуя сущность восприятия (слухового и зрительного), надо строго различать два понятия: понятие нормативных различительных признаков (т.е. формирование образа) и понятие узнавания – опознавание сформированного образа в результате сличения с эталоном. /8, С 221/.

Воспринимая речь, слушающий преобразует с помощью моторного (речедвигательного) анализатора звуковые образы в артикуляционные. Между слуховым и речедвигательным анализаторами устанавливается прочная функциональная связь. Что касается зрительного анализатора, то известно, что оптические сигналы превосходят все остальные в получении информации о внешнем мире. При аудировании зрительный анализатор значительно облегчает восприятие и понимание речи на слух. Такие зрительные опоры, как органы речи, жесты, мимика, кинемы и другие подкрепляют слуховые ощущения, облегчают внутреннее проговаривание и уяснение смысла речи /8, С 225/.

Понимание чужой речи не возможно без внутреннего воспроизведения ее. Значение внутренней речи для понимания очень велико. Даже в затруднительных условиях (имеются в виду эксперименты с применением внутренних помех) она дает возможность воспринимать сообщения, прогнозировать и обобщать. На начальной ступени обучения внутренняя речь протекает особенно интенсивно и ее можно рассматривать как основной и необходимый компонент слухового восприятия.

Механизм внутренней речи представляет собой «центральное звено принимающее - выдающей речевую информацию системы». Одним из важных механизмов в понимании является механизм вероятностного прогнозирования, под которым мы понимаем способность человека использовать информацию, имеющуюся в его прошлом опыте, для прогноза вероятности наступления тех или иных событий в предстоящей ситуации.

Для успешного обучения слушанию и пониманию профессионально-ориентированных аутентичных текстов необходимо знать природу механизмов, имеющих в распоряжении человека в процессе мышления, восприятия и понимания.

Таким образом, понимание речи базируется на восприятии, распознавании и их смысловой организации. Понимание имеет спиралевидный характер, в основании которого лежит система связей воспринятого сообщения с предшествующими знаниями индивида.

Библиографический список

1. Залевская А.А. Понимание текста. /Психолингвистический подход. Учебное пособие. - Калинин. 1988. С.41.
2. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 123 - 170.
3. Леонтьев А.А., Л.С. Выготский и предмет научной психологии. // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: тез. Докл. Всесоюзн. Конф. М., 1981. С. 84-91.
4. Смирнов А.А. - Проблемы психологии памяти. М., 1966.
5. Даскал М. Стратегии понимания. // Значение и понимание. Нью-Йорк, 1981. С. 327-352.
6. Зимняя И.А. Психологические особенности восприятия лекции в аудитории. - М.: Знание. 1970.
7. Гез Н.И., Лиховицкий М.В. Миролубов А.А. и др. Аудирование как вид речевой деятельности. /Методика обучения иностранным языкам в средней школе: Учебник. - М.: Высшая школа, 1982. С. 213.
8. Зимняя И.А., Малинина Ю.Ф., Толкачева С.Д. К вопросу о психологических механизмах рецептивных видов речевой деятельности. // Иностранные языки в высшей школе. Сб., «Высшая школа», вып. 12. М., 1977.
9. Миллер Дж. А. «Магическое число 7 плюс или минус два» - В кн.: инженерная психология. М., 1964 с. 221.
10. Галайдина Н.А. Использование интонационных значков в учебных целях. // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков и языкознания. Тезисы докладов VI Республик.конф. Алматы, 1972. С. 43.

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

ОТВЕТНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ЧАСТИЦ В РЕЧЕВОМ НЕЧЛЕНИМОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ¹

Нагорный Игорь Анатольевич

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

**THE RESPONSE FUNCTION OF RUSSIAN PARTICLES
IN SPEECH NOT SEGMENT SENTENCE**

Nagornyy Igor Anatolyaevich

Belgorod State National Research University

Аннотация

В статье рассматривается проблема функционирования частиц в речевом высказывании. Описывается ответная функция частиц и устанавливаются их характеристики

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196.

на логико-семантическом и коммуникативно-прагматическом уровнях языка. Определяется специфика актуализации частицами субъективно-модальных смыслов в коммуникативном пространстве диалога.

Ключевые слова: частицы, функция, высказывание, суждение, субъект, предикат, субъективно-модальная квалификация.

Abstract

In the article the problem of functioning of the particles in the speech utterance. Describes the response function of particles and their characteristics are set at the logical-semantic and communicative-pragmatic levels of language. Is determined by the specifics of the actualization of the particles of the subjective-modal meanings in the communicative space of dialogue.

Keywords: particles, function, statement, proposition, subject, predicate, subjective modal qualification.

В суждениях человека отражен ментальный процесс. Применительно к языку он реализуется в предложениях – на уровне значений грамматических форм, а применительно к речи – в высказываниях. Известно, что мыслительный и языково-речевой процессы не тождественны. Ментальное и материальное, в частности, разведены во времени начала своего осуществления. Мыслительный процесс начинается раньше, чем процесс языково-речевой. Напротив, языково-речевой процесс заканчивается позже, чем процесс мыслительный [2, 9, 10]. Частицы как знаки авторской оценочной мысли являются интеграторами мыслительного процесса на речевом уровне, то есть фактически – знаками и мыслительного, и языково-речевого процессов, знаками суждения субъекта на коммуникативном уровне. Отражая некую модальную, оценочную или волитивную мыслительную операцию говорящего, частицы фиксируют процессуальность мышления индивида, а также ту грань, которая является интегрирующей ментальный и языково-речевой процессы в координатах «я – здесь – сейчас» [1].

В нечленимых ответных высказываниях с частицами мыслительный процесс темпорально локализован, осуществляется вкуче с модально-оценочной квалификацией события говорящим. В данных высказываниях процессуальность мышления субъекта вербализована на формальном уровне служебным элементом, и в этом плане частицы служат сближению в семантическом пространстве речевой единицы мыслительного и языково-речевого процессов. Частицы, репрезентируя субъективно-авторскую квалификацию события как фрагмента действительности, выступают в роли элементов, при помощи которых говорящий оформляет результат данного осмысления ситуации на коммуникативном уровне.

Выполнение частицами ответной функции в речевом нечленимом высказывании предполагает фиксацию данными модусными квалификаторами так называемого имплицитного (или синтетического) суждения [8, с. 122, а также: 3, 6, 7]. Подобные суждения предполагают невыраженность языковыми способами облигаторных логических компонентов – предмета и/или предиката суждения: *-Как ты думаешь, он вернется? -Вряд ли* (В.Шишков); *-Ты уверена? -Как будто...* (В.Шукшин); *- Как это? - Вот так. Сказали – иди домой и спи* (Андрей Геласимов); *- Ну, вот вы, например, вы сможете сделать так? - Где уж!* – *пробормотал он и снова погрузился в свои планы* (Е.Иванов); *- Я в суд подам... - Ишь ты!..* (Р.Сенчин); *- Уж будто. – с облегчением проговаривалась мать, но помалкивала при отце* (О.Павлов); *- Понятия не имею. – Вот как? – Представьте себе* (С.Довлатов).

Речевые высказывания, выражающие подобные суждения, характеризуются тем, что частица выполняет здесь, в принципе, нехарактерную для других служебных элементов языка логико-фиксирующую функцию, так как в подобных ответных высказываниях, несомненно, выражено свернутое, компрессированное суждение. Это особое суждение, субъект и предикат которого дифференцированно не вербализованы на субъектно-предикатном уровне предложения. Такое суждение имеет формально нечленимую структуру,

где главные компоненты, на знаковом уровне отражающие двучленность суждения как формы мысли, оказываются словесно не представленными.

В нечленимых ответных высказываниях с частицами невыраженность, невербализованность логического субъекта и логического предиката суждения является нормой. Обусловлено это тем, что здесь имеется лишь семантическое представление о данных мыслительных компонентах, не прошедшее процесса вербализации [4, с. 39]. В подобных нечленимых высказываниях отражено такое представление, которое еще не стало логическим понятием на уровне формы своего выражения. Это возможно благодаря причинам речевого, а шире – прагматического характера, то есть таким, которые, несмотря на импликационное представление суждения, приводят в итоге к правильному пониманию адресатом мысли адресанта. В нечленимых ответных высказываниях частицы – это те речевые средства, которые используют коммуниканты для ответной, порой спонтанной, реакции на предшествующую реплику-суждение: *Я так и сделал, но, вернувшись, застал ее одетой, готовой к уходу.* – **Вот как?** *Можно легко представить мою физиономию в эту минуту* (А.Кирилин); - *Да куда уж.* *Беспокоилась я: у меня уже и играть нечего* (С.Денисова); - *Да где уж.* – *Ему же героя дали!* (А.Чудаков).

Чтобы нечленимое ответное высказывание состоялось и органично интегрировалось в коммуникативный процесс, в предыдущей реплике-суждении должен быть актуализирован некий параметр, который явился для субъекта стимулом, во-первых, генерирующим не просто ответную, а ответно-модализованную реакцию коммуниканта на сообщаемое, а во-вторых, побудившим коммуниканта выразить свою оценочную мысль именно таким способом – в виде нечленимого ответного высказывания, включающего в свой состав лишь частицу как яркий, субъективно окрашенный и компрессированный репрезентатор мысли субъекта: - *Да вот, как хочу, так и живу...* - **Уж будто?** – *В ответ мальчишка выругался* (И.Солоневич); - *И что же, они счастливы?* - **Куда уж** (В.Валеева); - *Да, совершенно верно.* – **Ишь ты!** *Так ты выше Будды прыгнуть хочешь?!* (А.Клейн); - **Вот так!**... – *обреченно бубнил Дмитрий Николаевич, поднимаясь для встречи* (Андрей Волос).

Частица в данном случае является продуктивным знаком, указывающим на возможность/невозможность, необходимость, долженствование или желательность установления каких-то связей и отношений между понятиями, представлениями, с одной стороны, и их качествами, свойствами, – с другой. Потенциально связи и отношения, подвергаемые модально-оценочной квалификативной характеристике в ответном высказывании, уже намечены в предыдущем сообщении, которое предваряет модально-ответное нечленимое высказывание. Говорящему предстоит среагировать на сказанное, оценить фрагмент действительности, емко и в то же время кратко высказать свое отношение к предмету коммуникативно-прагматической ситуации общения. Для такой ответной реакции частица как коммуникативный инструмент донесения авторской оценочной точки зрения до адресата подходит как нельзя лучше. В рассматриваемых языковых элементах, служебных по своей формальной сути, заключается огромный коммуникативно-прагматический потенциал, который локализуется в том числе и в нечленимом ответном высказывании: - *А вот так!* – *теперь в её голосе звучало что-то похожее на торжество, и это меня почему-то напугало* (Вера Белоусова); - **Куда уж!** – *захохотал Косопузый.* – *Факты налицо!* (И.Грекова); - *Я – нет.* - **Уж будто бы!..** *Не упрямитесь* (В.Маканин); *Рубахин удивился:* - **Вот как?** *И, припомнив, тут же согласился* (В.Маканин).

Частица, являясь выразителем комплекса квалификативных модусных смыслов, позволяет говорящему очень емко, оценочно и намеренно презентативно вербализовать собственную реакцию на сообщаемое, продуктивно – при минимуме речевых затрат – донести собственное мнение до адресата: -*Будет тебе нагоняй!* - **Вряд ли** (А.Казанцев); - **Вот как?** – *отшатнулся от него Хрипушин.* – *Интересуюсь, по какому же поводу он вам так говорил?* (Ю.Домбровский); - *Я угощу...* - **Да куда уж...** *Скрылась* (С.Шаргунов); *Вопрос.* - *А мог Борман использовать в США контакты немецких банкиров и промышленников?* *Ответ.* - *Лично он - нет.* **Вряд ли** (Ю.Семенов).

При помощи частицы-квалификатора говорящий может оценить связи и отношения между предметами и явлениями действительности как действительно существующие, возможные или необходимые, по его мнению. Естественно, что в нечленимых ответных высказываниях с частицами эти связи градуально квалифицируются субъектом – как вероятные, сомнительные, предположительные (*-Но ведь она обещала написать. -Разве?* (М.Шолохов); *-Я вернусь еще. -Вряд ли* (А.Толстой); *-Что, собрались уж? -Вроде как* (К.Чуковский); *-Любит он ее? -Как будто. А главное, что она счастлива* (В.Иванов); *Целесообразно ли такое понимание синонимии? Вряд ли* (Л.Васильев)); имеющие потенцию быть оцененными в пределах координат шкалы «хорошо плохо» (*-Сына не позорь, не пачкай под конец биографию. - Куда уж там* (О.Павлов)), локализованными на темпорально-локальной оси (*- Вот так... Давай-давай, тебе к нему теперь привыкать надо* (А.Геласимов)), насыщенными авторскими эмоциями и чувствами (*А вот так, – ответил отец Андрей ласково, – что не смел я никого прощать* (Ю.Домбровский)).

Для нечленимых ответных высказываний с частицами всегда характерен параметр градуальности. Авторская реакция и степень ее проявления зависит от многих факторов – прагматических, бытийных, личностных. Поэтому нечленимое ответное высказывание с частицей достаточно редко фиксируется на каком-либо из полюсов шкал – оценочной, квалификативной, определенности/неопределенности и др. Подобное высказывание, как правило, лишь тяготеет к какому-то полюсу. Это обусловлено подвижностью авторской оценки, степенью ее мотивированности, личностными качествами субъекта, внеситуативными факторами. Например, нечленимое ответное высказывание с предположительными частицами никогда не фиксируется строго на полюсе достоверности, так как не выражает нейтрально-констатирующее суждение достоверности. На смысловом отрезке, занимаемом рассматриваемыми высказываниями, подтверждения говорящим предполагаемого события не происходит. Это характерно как для высказываний, располагающихся на периферии между смысловыми полюсами (*-Я так и знал! -Неужели?* (В.Шукшин); *-Ты забыл ключ дома? -Вроде бы* (журн.текст)), так и для высказываний, активно смещающихся к полюсу, противоположному тому, на котором зафиксирована предыдущая реплика диалога (*-Ты думаешь именно так? -Вряд ли* (В.Шукшин); *-Вот сегодня-то я и не приду. -Уж будто!* (В.Шукшин)).

В ответных нечленимых высказываниях с частицами оценка отношений между логическим субъектом и предикатом суждения, отношений, уже актуализированных в предшествующем ответном сообщении, хотя и осуществляется на концептуальном уровне, однако переосмысливается говорящим с модально-квалификативной или оценочной позиции в аспекте их конечного результирования. Конечным же результатом произведенной ментальной операции говорящего, отраженной в анализируемых высказываниях, является выражение субъективного мнения, направленного на квалификацию фрагмента действительности: *- Да вот так, – ответил он. Потом они стояли, молчали, подавленные всем этим, и вдруг он обнял её за плечи и сказал* (Ю.Домбровский); *- Тебе не понять. – Где уж мне! И во имя правды разбиваете друг другу носы?* (Г.Башкуев); *Я сказал. – Ишь ты! Ну, это дело другое* (А.Волос); *- Тебе ещё не предлагали такое? - Куда уж* (И.Ефимов); *- Как, как? – огрызнулась Зина. - Вот как. - Нектара нигде нету, - вздохнув, пожаловалась Зоя* (В.Кологрив); *- Сам хочет. - Уж будто бы? - Сам выбрал* (В.Маканин).

Детализируем признаки, характерные для ответных высказываний с частицами. Во-первых, данные высказывания выражают свернутое суждение, семантическая структура которого задается в предшествующем высказывании или нескольких высказываниях, то есть в речевом или текстовом контексте. Во-вторых, связь между субъектом и предикатом мыслится в свернутом ответном высказывании на ассоциативном уровне – уровне психических восприятий и представлений. В-третьих, частицы могут считаться фиксаторами такого высказывания, отражающего свернутое суждение, и реализаторами данного суждения на коммуникативном уровне. В этом случае частицы имеют статус языковых средств

выражения результата переосмысления говорящим связи между предметом и предикатом суждения, которая представлена в ракурсе модально-оценочной квалификации события. При этом результат модальной оценки, выраженный частицей, всегда скорректирован в приложении на «точку зрения» говорящего. Частицы в этом случае фиксируют грань, за которой предшествующее суждение переводится в иной коммуникативный континуум и осмысливается говорящим с позиции «я – здесь – сейчас»: - *Как отнять? – беспокоился он. – А вот так. Соседи скажут, что мы плохо работаем, вот и отнимут* (Алексей Варламов); - *Ублажать, что ли, тебя? – Да где уж! Ублажать – это ты свою бабу ублажай* (В.Шукшин); - *Задаток получили? – строго спросил голос. Ишь ты! – Задаток-то?* (А.Волос); - *Где уж! С нашим ли сердцем!* (А.Островский); - *Даже они не понимают, что значит для меня потерять Еву. – А куда уж* (Н.Трофимова); - *Уж будто бы... И в этом ли дело?..* (К.Бадигин); - *Вот как? – сказал Зыбин, плохо понимая, что он говорит. – Значит, что... это... – Он не знал, что сказать и о чём спросить* (Ю.Домбровский).

Промежуточное положение между высказываниями, выражающими развернутое суждение, и нечленимыми ответными высказываниями, в которых суждение представлено имплицитно, занимают построения типа *Это вряд ли*. С одной стороны, они по своей функциональной нагрузке являются модально-ответными, используются в коммуникативном диалоге и обладают всеми качественными характеристиками ответных диалогических реплик. С другой стороны, данные высказывания не могут быть приравнены к типичным нечленимым модально-ответным в силу специфичности их семантического поля. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, суждение, выраженное в такого рода ответных высказываниях, имеет формальное средство экспликации – компонент «это», в то время как рассмотренные ранее нечленимые высказывания подобных средств экспликации не имели. В данном случае с помощью компонента «это» вербализуется предмет логического суждения, которым является целое событие, репрезентированное в предыдущим высказывании. Поэтому внутреннее семантическое пространство компонента «это» является достаточно объемным. В нем, несомненно, вербализовано отдельное суждение, переосмысленное и трансформированное в предмет другого суждения, то есть суждение о суждении. Во-вторых, в модально-ответных высказываниях с частицей и компонентом «это» недостаточно четко проявляется семантическая градация субъектно-предикатных признаков в самом рассматриваемом компоненте «это». На конструктивном же уровне предложения как раз достаточно четко проявляется формальная градация логических субъекта и предиката при помощи грамматически служебного элемента – частицы. Частица как формальное средство модальной оценки в анализируемой разновидности высказываний ставится в четкую оппозицию к компоненту «это» и получает статус предиката суждения. Роль частицы в этом случае условно можно сравнить с той, которую частица выполняет в нечленимых ответных высказываниях, где она тоже характеризуется как показатель предикатного семантического поля. Однако в подобных высказываниях в частице совмещаются черты, характерные и для предмета, и для предиката суждения, в то время как в рассматриваемых высказываниях частица поставлена в четкие оппозиционные отношения к компоненту «это», обозначающему предмет суждения. В связи с этим у частицы усиливаются предикатные характеристики – актуализация качеств и свойств предмета. Частицы в таких высказываниях приближены по своим семантическим характеристикам к полновесному предикату суждения, поскольку выражают то, *что* говорится о предмете и *каким образом* говорится.

Итак, способность частиц фиксировать имплицитное суждение, выражающееся в ответном нечленимом высказывании, является их важной функцией в языке и речи. Частицы, во всей видимости, не могут быть охарактеризованы именно как специализированные средства, применяемые для обозначения такого вида суждения. Это обусловлено не языковым рангом частицы, а причинами совершенно иного рода, в частности, тем, что имплицитное суждение является лишь вариативной мыслительной формой, обусловленной факторами прагматического характера, такими, как, например, речевая ситуация общения, коммуникативная обстановка, условия общения, разного рода пресуппозитивные факторы.

Однако то, что частицы способны выражать такое суждение, несомненно, является их важной логической функцией. В этом аспекте рассматриваемые субъективно-модальные квалификаторы должны быть определены не только как речевые знаки суждения, но и как собственно языковые структурообразующие средства. Соответственно, их ранг как экспликаторов облигаторных компонентов суждения здесь существенно повышен по сравнению с суждением развернутого типа.

Подведем итог сказанному. Описание функциональных характеристик частиц как репрезентаторов авторского мнения в нечленимых ответных высказываниях подтверждает мысль относительно того, что рассматриваемые языковые средства должны быть охарактеризованы как динамичные, прагматически сориентированные элементы, в процессе коммуникации проявляющие себя в роли продуктивного инструмента донесения авторской точки зрения до адресата, элементы, отвечающие актуальным требованиям коммуникативного процесса и предназначенные для решения поставленной перед говорящим актуальной коммуникативной задачи. В этом плане систематизация параметров актуализации частицами субъективно-модальных смыслов в коммуникативном пространстве диалога представляется актуальной и перспективной.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти томах. – Т.2. – Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования / Владимир Григорьевич Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
4. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке / Евдокия Михайловна Галкина-Федорук. – М.: Издательство МГУ, 1958. – 73 с.
5. Есперсен О. Философия грамматики / Отто Есперсен. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 404 с.
6. Имплицитность в языке и речи. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 200 с.
7. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой: Логический, языковой и прагматический аспекты / Любовь Васильевна Лисоченко. – Ростов-на-Дону: Изд. Рост. ун-та, 1992. – 152 с.
8. Лосский Н.О. Логика. В 2-х частях / Николай Онуфриевич Лосский. – Берлин: Обелиск, 1923. – Ч.1. – 168 с.
9. Лурия А.Р. Язык и сознание / Александр Романович Лурия. – М.: Изд. МГУ, 1979. – 319 с.
10. Хомский Н. Язык и мышление / Ноам Хомский. – М.: МГУ, 1972. – 121 с.

УДК 81.1

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет
ogtwr@gmail.com

PARADOXICAL DEFINITION: SOME LINGUISTIC METHODS OF CREATION

Tverdokhlebo Olga Gennadjevna

Orenburg State Teacher Training University

Аннотация

В данной статье показано, что парадоксальные определения могут быть построены традиционно выделяемыми и специфическими способами. При синонимическом способе

истолкования наблюдается стремление к тавтологии или нагнетанию разных форм одного слова. При перечислительном способе обнаруживается соединение одноструктурных образований. При описательном способе наблюдаем тенденцию к насыщению конструкции дейктическими словами. При отрицательном способе появляется оксюморон, созданный объединением двух родственных слов разных частей речи. При комбинаторном способе сталкиваются два истолкования и первое полностью отрицается вторым. При родо-видовом истолковании слово истолковывается через указание на более широкий класс предметов. При повторительно-отличительном способе характеристика определяемого слова дается через это же самое слово. При антонимическом, конверсивном и согипонимичном способах определяемое слово характеризуется через антоним, конверсив или через согипоним. При ассоциативном способе слово истолковывается посредством слова, обозначающего предмет или явление, находящееся в какой-либо ассоциативной связи с предметом или явлением, обозначенным определяемым словом. При формально-сигнальном способе дается не собственно истолкование слова, а характеристика существования этого слова в объективной реальности как элемента этой реальности.

Ключевые слова: парадоксальное определение, способы истолкования.

Abstract

This article shows that paradoxical definitions formed traditionally allocated and specific ways of interpretation. Synonymous with the way of interpretation there is a tendency towards tautology or discharge different forms of the same word. When enumerative method detected a connection entities of the same structures. In descriptive method, the observed trend to saturation of the structure of deictic words. When a negative fashion appears an oxymoron created by combining two related words of different parts of speech. When the combinatorial method faced two interpretations, and the first completely denied the second. When the genus-species interpretation of the word has been interpreted through the indication of a wider class of objects. When repeat-distinctive method, the characteristics of the defined word given through that same word. In antonymy, conversionem and sohyponym ways of defining a word is characterized through the antonym, conversive, or through sohyponym. In an associative way the word is interpreted by the word denoting the object or phenomenon, existing in some associative connection with the object or phenomenon denoted by the word defined. In formally signaling the way is not given to the actual interpretation of the word, as characteristic of the existence of this word in objective reality as an element of this reality.

Keywords: paradoxical definition, methods of interpretation.

Продолжая исследование парадоксальных определений [3-4], выбранных нами из «Словаря философских, метафорических, юмористических и прочих разных парадоксальных определений», составленный В.Г. Кротовым [2], в котором собрано свыше 4 тысяч афоризмов более тысячи авторов разных стран и народов: писателей, поэтов, политиков, ученых, юмористов — от древних мудрецов до детей наших дней, в данной статье мы остановимся на анализе некоторых лингвистических способах создания указанных определений.

Данные нашей картотеки показывают, что словарное и парадоксальное определения обычного слова не совпадают, что нередко обусловлено лингвистическими причинами.

I. При построении парадоксальных определений основными, традиционно выделяемыми словарными способами истолкования слов [1] обнаруживаются некоторые специфические черты, свойственные только структуре парадоксальных определений.

1) При **синонимическом** способе истолкования наблюдается стремление к тавтологии или нагнетанию:

а) разных форм одного слова: *Влиятельность — это власть* (Им. п.) *влиять на имеющих власть* (Вин. п.) (А. Круглов); *Свобода — воля* (Им. п.), *которой дали волю* (Вин. п.) (А. Круглов) *Азарт — это увлечение* (Им. п.) *увлечением* (Тв. п.) (А. Круглов);

или б) родственных слов, ср.: *Зло — это вредный* (имя прилагательное) *вред* (имя существительное) (А. Круглов).

2) При **перечислительном** способе обнаруживается соединение одноструктурных образований, в частности:

а) с префиксом *ис-*: *Искупить — Исправить* плюс *Исправиться* (А. Круглов);

б) с префиксом *со-*: *Компьютер — СОратник, СОбутыльник, СОобщник, брат* (И. Холин).

3) При **описательном** способе наблюдаем тенденцию к насыщению конструкции дейктическими словами, в частности:

а) указательными, относительными, отрицательными местоимениями, ср.: *Смерть — то* (указ. мест.), *после чего* (относит. мест.) *ничто* (отриц. мест.) *не интересно* (В. Розанов);

или б) местоимениями одного лексико-семантического разряда, напр., только неопределенными местоимениями: *Польза — это что-то* (неопред. мест.), *содействующее чему-то* (неопред. мест.) *с чьей-то* (неопред. мест.) *точки зрения* (В. Кротов).

4) При **отрицательном** способе появляется оксюморон, созданный объединением двух родственных слов разных частей речи: *Скука-это НЕсчастье* (имя существительное) *счастливых* (имя прилагательное) *людей* (Х. Уолпол).

5) При **комбинаторном**, в частности, **положительно-отрицательном**, способе истолкования слова парадоксальность может быть достигнута за счет сталкивания двух истолкований, причем данное вначале истолкование полностью отрицается в следующей части, заменяясь (вплоть до противоположного) другим: *Любовь — это шелест ветра в розовых кустах, нет — это пламя, рдеющее в крови* (К. Гамсун).

Еще один пример: *Жизнь — игра, первейшее правило которой считать, что это вовсе не игра, а всерьёз* (А. Уоттс).

б) При **гиперонимическом**, или **родо-видовом**, истолковании слово истолковывается через указание на более широкий класс предметов (гипероним) и на отличительные признаки: *Азбука — букет букв*. (А. Бельмасов).

II. Парадоксальные определения могут быть построены совершенно отличительными, специфическими способами истолкования слов.

7) При **повторительно-отличительном** способе характеристика определяемого слова дается через это же самое слово с дополнительным пояснением в последующей части истолкования: *Истина — это истина об истине* (П. Флоренский).

Чаще всего такой способ истолкования используется:

а) для имени существительного в одних и тех же формах, ср.: *Тяготы* (имя сущ., Им. п.) *старости — те же тяготы* (имя сущ., Им. п.) *жизни, но лишь усиленные* (А. Франс); *Определение* (имя сущ., Им. п.) — *это определение* (имя сущ., Им. п.) *другими словами* (А. Круглов);

или б) разных падежных формах, ср.: *Счастье* (имя сущ., Им. п.) — *это способность осознавать собственное счастье* (имя сущ., Вин. п.) (Ф. Ветров).

Реже используется для истолкования:

в) инфинитива, напр.: *Понять* (инфин.) — *значит понять* (инфин.) *по-своему, усвоить* (А. Круглов)

или г) субстантивированного причастия: *Разочаровавшийся* (субстантив. причаст.) — *это разочаровавшийся* (субстантив. причаст.) *в себе* (А. Круглов).

8) При **антонимическом** способе определяемое слово характеризуется через антоним и дополнительное указание в последующей части истолкования на отличительные признаки и свойства предмета или явления, обозначенного определяемым словом.

При акцентуализации разных признаков и свойств описываемого предмета или явления может возникнуть целая «галерея» разных определений через антоним для одного и того же слова.

Ср., напр., несколько определений для лексемы «женщина» через лексему «мужчина»: *Женщина — это избыточный мужчина* (Ф. Ветров); *Женщина — это неудавшийся мужчина* (Дж. Лондон); *Женщина — это пространство мужчины* (К. Кедров); *Женщины — это те же мужчины, только еще лучшие* (А. Кнышев).

9) При **конверсивном** способе слово характеризуется через свой же конверсив и дополнительное пояснение: *Обучать — значит вдвойне учиться* (Ж. Жубер).

10) При **согипонимичном** способе определяемое слово характеризуется через согипоним (из-за наличия в семантике двух согипонимов противопоставленных друг другу дифференциальных сем истолкования слов в словаре через согипоним не допускаются), напр.,

- согипонимы *коза — корова* (гипероним «домашнее животное»): *Коза — корова бедняка* (Неизв.);
- *нож — меч* (гипероним «орудия»): *Нож — меч раба* (А. Дюма-отец);
- *грейдер — трактор* (гипероним «техника»): *Грейдер — тот же трактор, но с сержантским подбородком впереди* (Неизв.);
- *логика — это химия: Логика — это химия мыслимого мира* (Вл. Соловьев);
- *логика — грамматика* (гипероним «наука»): *Логика — грамматика рассудка* (Неизв.).

11) При **ассоциативном** способе слово истолковывается посредством слова, обозначающего предмет или явление, находящееся с предметом или явлением, обозначенным определяемым словом в какой-либо ассоциативной связи:

- по форме,
- функции,
- в культурно-историческом плане и др.).

Ср.: *Многоточие — это пни от срубленных вопросов* (В. Мельников-Сторквист); *Извращенность — рафинированный серафим нашего времени* (Э. Далберг); *Капуста — русский лотос* (В. Кротов); *Каратэ — разговор по-японски жестами* (Неизв.).

12) При **формально-сигнальном** способе дается не собственно истолкование слова, а характеристика существования этого слова в объективной реальности как элемента этой реальности: *Случай — это слово, придуманное невежеством* (Фр. Бернис).

Еще примеры: *Скука — слово, которым писатели определяют чужой юмор и остроумие* (Г. Филдинг); *Конец — это слово, которое весьма приятно написать и прочитать в конце книги* (П. Декурсель).

Таким образом, парадоксальные определения могут быть построены традиционно выделяемыми способами истолкования определяемого слова, хотя и имеющими целый ряд особенностей, а также разнообразными совершенно отличительными, специфическими способами. При описательном способе наблюдаем тенденцию к насыщению конструкции действительными словами. При отрицательном способе появляется оксюморон, созданный объединением двух родственных слов разных частей речи. При комбинаторном способе сталкиваются два истолкования и первое полностью отрицается вторым. При родо-видовом истолковании слово истолковывается через указание на более широкий класс предметов. При повторительно-отличительном способе характеристика определяемого слова дается через это же самое слово. При антонимическом, конверсивном и согипонимичном способах определяемое слово характеризуется через антоним, конверсив или через согипоним. При ассоциативном способе слово истолковывается посредством слова, обозначающего предмет или явление, находящееся в какой-либо ассоциативной связи с предметом или явлением, обозначенным определяемым словом. При формально-сигнальном способе дается не собственно истолкование слова, а

характеристика существования этого слова в объективной реальности как элемента этой реальности.

Библиографический список

1. Арбатский Д.И. Основные способы толкования значений слов // Русский язык в школе. – 1970. – №3. – С. 26-31.
2. Кротов В.Г. Словарь философических, метафорических, юмористических и прочих разных парадоксальных определений. – М. : Крон-Пресс, 1995. – 480 с.
3. Твердохлеб О.Г. Лингвистика определений (о некоторых способах создания парадоксальности) // Язык. Система. Личность : Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург : Екатеринбургский госпедуниверситет, 1998. – С. 158.
4. О некоторых лингвистических способах создания парадоксальности // Язык. Система. Личность : Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург : Екатеринбургский госпедуниверситет, 2000. – С. 334-342.
5. Твердохлеб О.Г. Мысли Востока в аспекте парадоксальности // Христианство и ислам на рубеже веков : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург : Печатный Дом «Димур», 1998. – С. 111-112.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Кулешова Анна Васильевна

Сутурмина Дарья Александровна

Московский городской педагогический университет, г. Москва

ksas3@yandex.ru

suturmina@list.ru

ADVERBIAL EXPRESSIONS OF THE FRENCH LANGUAGE AS MEANS OF PRESENTING THE NATIONAL WORLD-IMAGE

Kuleshova Anna Vasilyevna

Suturmina Darya Alexandrovna

The Moscow City Teachers' Training University

Аннотация

Цель данной статьи заключается в выявлении адвербиальных выражений французского языка, наиболее ярко отражающих национальную картину мира. При анализе языкового материала нами были использованы следующие методы: комплексный описательно-аналитический метод (включающий общенаучные методы наблюдения, сопоставления, обобщения), структурно-семантический метод – для описания структурно-семантических особенностей адвербиальных выражений, метод словарных дефиниций. Исследование различных моделей адвербиальных выражений и их значений показало, что адвербиальные выражения служат в качестве указателей результативности, а также уточняют аспектуальные характеристики глагола. Наиболее употребимыми структурами являются «Préposition + Comparatif + Préposition + Comparatif» и «Nom singulier + Préposition + Nom singulier», наименее – адвербиальные выражения со структурой «Préposition + Pronom + Conjonction + Préposition+Pronom», «Verbe + Conjonction (que) + Verbe» и «Numéral +

Préposition + Numéral». В результате исследования мы пришли к выводу о том, что адвербиальные выражения могут отражать национальную картину мира, так как они связаны с различными природными особенностями Франции, ее историей и культурой.

Ключевые слова: адвербиальные выражения, картина мира, национальная картина мира.

Abstract

The aim of this article is to show adverbial expressions of the French language which most vividly reflect the national world-image. When analyzing the language material we used the following methods: complex of description and analyzation method (which includes scientific methods of observation, matching (comparison) and generalization), structure and semantics method to describe the structural and semantical features of adverbial expressions, method of vocabulary definitions. The research of different models of adverbial expressions and their meanings proved that adverbial expressions serve as a sign of result and also point on the verb aspect characteristics. The most commonly used characteristics (structures) are «Preposition + Comparison + Preposition + Comparison» и «singular noun + Preposition + singular noun», the least – adverbial expressions with structure «Preposition + Pronoun + Conjunction + Preposition + Pronoun», «Verb + Conjunction + Verb» и « Numeral + Preposition + Numeral». As a result of the research we came to conclusion that adverbial expressions can reflect the national-world image as they relate to various native features of France, with its history and culture.

Keywords: adverbial expressions, world-image, national world-image.

Понятие «Картина мира» (далее – КМ) используется в разных областях знания, не имея, между тем, однозначного определения вследствие своей многогранности. Она неразрывно связано с человеком как субъектом познания и творителем мира, который составляет, описывает и изменяет свое окружение. Таким образом, КМ – это изображение «сущего», т.е. существующего вокруг нас.

КМ показывает общую систему содержания языка. Любой национальный язык имеет несколько функций: коммуникативную, информативную, эмотивную и, что особенно важно, функцию сохранения общих знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Все это отражается в Национальной картине мира. Именно она проявляется в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах [2, с.5]. Тем самым народ передает знание о себе через свое поведение, общение и манеру разговора. Национальная картина мира может быть выражена различными языковыми средствами, как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

Наша статья посвящена анализу адвербиальных выражений французского языка как одному из языковых средств репрезентации национальной картины мира. Нами изучаются лингвокультурологические особенности данных выражений с точки зрения их способности представления информации о национально-специфических чертах французского народа.

Под АВ мы понимаем неоднословные языковые единицы, представляющие собой транспозицию других частей речи. Во французском языке АВ характеризуются явлением редупликации, которая представляет собой повтор слова. Это, в свою очередь, сближает их с русскими наречиями (ср. давным-давно, долго-долго и т.п.) [1, с.1].

Проанализировав современную французскую художественную литературу, мы выявили наиболее распространенные синтаксические конструкции АВ:

1) «Préposition + Comparatif + Préposition + Comparatif»:

(1) «On y circule **de plus en plus mal** et cela me rapprochera de mon bureau» [6, p. 49];

2) «Nom singulier + Préposition + Nom singulier»:

(2) «Elle progressa **pas à pas**, retenant son souffle» [6, p.203].

Можно предположить, что данные модели АВ используются чаще вследствие их употребимости в разговорной речи, к тому же, конструкция достаточно проста, а значит, эти модели могут найти широкое применение в современной литературе.

При этом, с позиции значения результативности АВ бывают: с мгновенно-результативным значением, с постепенным, частичным и полным охватом результативного действия, АВ, выражающие результативно-начинательные и повторные действия. Однако самыми употребимыми с данной точки зрения являются АВ с мгновенно-результативным значением:

(3) «**Juste à ce moment**, on frappe à la loge» [5, p.146].

Возможно, употребление данных АВ с таким значением обусловлено влиянием разговорной речи на современную литературу, в тексты которой проникают данные АВ.

В соответствии с целью статьи, мы отбирали АВ, связанные с различными природными особенностями Франции, ее историей и культурой. Однако, стоит отметить, что, передавая старую норму языка, многие из них потеряли свое первоначальное значение.

Нами были выявлены некоторые АВ языка, которые, на наш взгляд, наиболее ярко представляют французскую национальную картину мира. Это такие АВ, как: *sur-le-champ*, *en un clin d'oeil*, *d'emblée*, *d'abord*. Рассмотрим их подробнее.

АВ **sur-le-champ** получило свое современное значение в среднефранцузском языке в конце 15 века, исходя из своего первоначального определения, которое подразумевало присутствие на поле битвы (*sur le champ de bataille*). В военной лексике выражение *sur champ* означало «момент и место, где ты находишься» и до наших дней, данное выражение дошло в виде следующего АВ **sur-le-champ** («à l'instant même; sans plus attendre»), то есть «в то самое мгновение, незамедлительно, на месте), которое сейчас не имеет близкого значения с военной лексикой. Между тем, возможно, именно военное прошлое Франции обусловило появление данного выражения. Тот факт, что Франция часто участвовала в военных сражениях и вела многочисленные войны, не вызывает сомнений. Особо стоит отметить столетнюю войну (1337-1453) между Англией и Францией, которая продолжалась 116 лет (с перерывами) и, естественно, приобрела национальный оттенок английского и французского народов. С точки зрения военного дела, в ходе войны появились новые виды оружия и военной техники, в частности сформировались первые постоянные армии. Именно к этому периоду относится возникновение такого выражения, как **sur-le-champ**.

Еще одно АВ, имеющее отношение к военным действиям и несущее национальный оттенок – **d'emblée**, означающее с первого раза, сразу. Выражение произошло от старофранцузского *an emblét* (1121), *en emblee* (1165) «clandestinement, en cachette» – тайно. **Emblée** представляет собой причастие прошедшего времени от *embler* (980), который, в свою очередь, восходит к латинскому *volare* (*voler, dérober*), но в 17 веке глагол *embler* устарел. Изначально АВ **d'emblée** имело смысл «par surprise», то есть застать врасплох. Затем в 15 веке появилось значение «immédiatement» – незамедлительно, немедленно. И наконец, в современном языке **d'emblée** обозначает «du premier coup, tout de suite» – сразу. Стоит заметить, что данное АВ широко применялось в военной лексике Франции, т.к. имело отношение к осаде города.

Следующее АВ, отражающее национальные особенности французского языка, **en un clin d'oeil** – «en un instant; d'une manière quasi instantanée» в одно мгновение. Данное АВ относится к середине 15 века. Самое быстрое движение человека – это мигание его глаз. Оно совершается так быстро, что человек не замечает даже временного затмения поля его зрения. Поэтому такое действие и было принято для обозначения самого маленького (насколько возможно) отрезка времени, то есть такого промежутка времени, за который можно только мигнуть глазом. В других языках существуют такие же выражения, но мы считаем, что в некоторой мере данное АВ отражает восприятие времени в средневековой Франции.

Невозможно не отметить такое АВ, как **d'abord** образованное от глагола *aborder*, которое использовалось изначально в морском контексте – «action d'aborder au rivage» (15-16 век) – причаливать к берегу. На наш взгляд, данное АВ не связано с морским господством

Франции (вторая половина 17 века). Между тем, оно вполне может иметь отношение к географическому положению Франции, которую омывают четыре водных пространства: Ла-Манш, Атлантический океан, Северное море и Средиземное море. Возможно, также, что данное АВ связано с тем фактом, что в 16 веке в результате Великих географических открытий основные международные пути переместились на Атлантику. Это помогло некоторым городам приобрести статус крупных портовых центров, что способствовало созданию различного рода судов, которые, естественно, причаливали к берегу.

Итак, лингвистический анализ показал, что адвербиальные выражения могут иметь различные структуры и выражать разные значения. Наиболее используемыми являются АВ с мгновенно-результативным значением, а самые распространенные модели АВ – «Préposition + Comparatif + Préposition + Comparatif», «Nom singulier + Préposition + Nom singulier».

Анализ этимологического значения адвербиальных выражений, а также истории их возникновения позволил сделать вывод о том, что лишь небольшое количество адвербиальных выражений прямо отражает французскую национальную картину мира, большинство из них представляют национальную картину опосредованно, имеют косвенное отношение к культуре, истории Франции. В целом, результаты изучения адвербиальных выражений с позиции лингвокультурологии и когнитивной лингвистики могут служить основой для дальнейшей разработки проблем представления французской национальной картины мира различными языковыми средствами.

Библиографический список

1. Гулидова Е.Н. Модели редупликации адвербиальных выражений во французском языке // Евразийство: философия, культура, экология. – 2013. – С. 42-47.
2. Попова З.Д. Язык и национальное сознание. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.
3. Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – 151 с.
4. Шамсутдинова А.Р. Адвербиальные средства с аспектуальной семантикой результативности во французском языке // Альманах современной науки и образования. – 2008. – №8. – С. 224-227.
5. Barbery M. L'Élégance du hérisson. – Gallimard, 2006. – 360 p.
6. Levy M. Où es-tu? – Robert Laffont, 2001. – 272 p.
7. Ray A. Dictionnaire historique de la langue française . – Paris: Le Robert, 2011. – 4304 p.
8. Ray A. Expressions & locutions. – Paris: Le Robert, 2006. – 888 p.
9. Ray A. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Le Robert, 2013. – 2837 p.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-139

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ “ВИЗАНТИЯ”: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РОМАНЕ Б. ВАСИЛЬЕВА «КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ»

Огнева Елена Анатольевна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород

Ogneva@bsu.edu.ru

**"BYZANTINE" AS THE LITERARY CONCEPT:
SOME SPECIFICITY OF REPRESENTATION**

Аннотация

В статье рассматривается архитектура концептосферы художественного текста, представляющего собой конгломерат глубинных этносмыслов народа, преломлённый в проекции мировидения писателя. Текст исследуется как креативный лингвоконструкт реальности, как репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, концептосфера которого представляет собой совокупность художественных концептов, включающих те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми для развития сюжета. Выявляется специфика номинативного поля художественного концепта «Византия» как совокупности репрезентантов ядерной и периферийной составляющих концепта с целью последующего когнитивного графического моделирования этого исследовательского конструкта. Устанавливается комплексная структура концепта, состоящего из субконцептов. Исследуется структура субконцептов, составляющих художественный концепт «Византия». Выявляется специфика номинативных полей субконцептов в общей модели концепта «Византия» как когнитивно-сюжетной проекции индивидуально-авторского концепта.

Ключевые слова: концептосфера художественного текста, художественный концепт, номинативное поле, архитектура, концепт «Византия», когнитивно-герменевтический анализ

Abstract The article deals with the literary conceptsphere architectonics as the unity of people ethno-senses which are represented in the text. The text is researched as the creative construct of reality, as the representative symbol of past times, nowadays, and the time to come. Literary conceptsphere is studied as the unity of literary concepts including mental factors which people historic memory had kept, and nowadays these mental factors are used by the writers as cognitive-pragmatic base to create the novel's plot. The specificity of nominative field of the literary concept named «Byzantine» is identified. This literary concept is studied as the unity of kernel and peripheral spheres to cognitive graphic modeling. The complex architectonics of the literary concept named «Byzantine» representing the unit of subconcepts is identified as the cognitive projection of author's concept.

Key words: literary conceptsphere architectonics, literary concept, nominative field, architectonics, concept named «Byzantine, cognitive- hermeneutic analysis

Несмотря на различные многовекторные исследования художественного текста, активно осуществляемые со второй половины прошлого века, текст по-прежнему остаётся в фокусе научного поиска. В начале 80-х годов И.Р. Гальпериным определено отношение к тексту, в котором этот исследовательский конструкт интерпретировался как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [2, с. 18].

В нашем понимании художественный текст, его когнитивная сюжетная матрица, представляет собой конгломерат глубинных этносмыслов народа преломлённый в проекции мировидения писателя, креативный лингвоконструкт реальности, репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, синергии, вербализованной посредством языковых знаков, формирующих таким образом художественный мир, модель которого и находится в эпицентре лингвокогнитивных, лингвокультурологических и иных исследований, направленных на интерпретацию смысловой составляющей и способов её

формального воплощения. По мнению А.В. Кузнецовой, «смысл создания художественного текста <...> состоит в реализации в особой языковой форме семантического пространства <...> как воплощения мотивов, намерений и интенций его автора» [5, с. 155]. В свете этого индивидуально-авторская концептосфера писателя как неотъемлемая часть национальной концептосферы языка реализуется в рамках авторской ментальной модели мировидения, параметры которой обуславливают когнитивно-сюжетный вектор произведения. Художественный текст, его план содержания и план выражения, рассматривается нами в виде художественной концептосферы, представляющей собой совокупность репрезентированных в тексте концептов. В.Г. Зусман отмечает, что «опора на концепт открывает новые возможности в представлении литературы в качестве коммуникативной художественной системы» [4, с. 11]. Тот факт, что литература представляет собой коммуникативную художественную систему не вызывает у исследователей сомнения. Существуют различные методы и подходы к анализу этого исследовательского коммуникативного конструкта.

Ещё С.А. Аскольдов указывал на тот факт, что концепт обладает «художественной ассоциативностью» [1, с. 275], следовательно, концептосфера как совокупность концептов, репрезентирующих индивидуально-авторскую проекцию мира, – это авторское поле реализации художественной ассоциативности. Что касается термина «концепт», претерпевшего множество интерпретаций со времён первого упоминания Абелиром, то релевантным для нашего исследования является следующее определение: «концепт – это исторически устойчивое, актуальное социально и/или личностно представление, выраженное в слове, обладающее высокой степенью абстракции и имеющее аксиологическую значимость» [6, с. 453].

В настоящее время в лингвистической науке обоснован ряд типологий концептов, среди которых обособленной группой выделяются художественные концепты как часть общекультурных и общенациональных концептов, репрезентированных писателем в художественных текстах. По мнению Е.В. Сергеевой, «художественный концепт (ХК) в отличие от «нехудожественного» (познавательного, концепта-универсалии) – это ментальное образование также прошедшее семиозис и осознаваемое как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля, но присутствующее в индивидуальном сознании создателя художественного текста» [8, с. 98], тогда как Е.А. Ерёмченко художественный концепт рассматривается как «единица индивидуального сознания авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя» [3, с. 122].

В проводимых нами исследованиях под художественным концептом понимается компонент концептосферы художественного текста, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми для развития сюжета, создают когнитивную ауру произведения и реализуют синергию прошлого, настоящего и будущего. Рассмотрение архитектуры художественного концепта *“Византия”*, репрезентированного в романе Б. Васильева *«Князь Святослав»*, выявило, прежде всего, что лексема *Византия* и её производные употреблены в тексте исследуемого произведения 107 раз. Когнитивно-герменевтический анализ материала выявил, что художественный концепт *“Византия”* имеет разветвлённую модель, состоящую из 8 субконцептов, из которых 6 субконцептов репрезентируют позиционирование Византии в мире и два субконцепта репрезентируют её образ в глазах руссов: *“образ Византии”*, *“государственное устройство”*, *“религия”*, *“военные действия”*, *“экономическое развитие”*, *“византийская политика”*, *“взаимодействие Руси с Византией”*, *“мнение о Византии на Руси”*.

В данной статье представлены результаты когнитивно-герменевтического анализа шести субконцептов, репрезентирующих позиционирование Византии в мире. Детальный анализ материала показал, что исследуемые шесть субконцептов имеют в своём составе следующие концепты-элементы: субконцепт *“образ Византии”* состоит из двух концептов-элементов: *“статус на мировой арене”* и *“мировоззрение”*; субконцепт *“государственное*

устройство Византии” состоит из трёх концептов-элементов: *“столица”*, *“управление”*, *“граждане Византии”*; субконцепт *“религия”* состоит из двух концептов-элементов: *“священство”*, *“вера”*; субконцепт *“военные действия”* состоит из двух концептов-элементов: *“победы Византии”*, *“поражения Византии”*; субконцепт *“экономическое развитие”* состоит из трёх концептов-элементов: *“торговля”*, *“товары”*, *“богатство”*; субконцепт *“византийская политика”* состоит из четырёх концептов-элементов: *“Византийская дипломатия”*, *“интриги”*, *“разведка Византии”*, *“взаимоотношение с Русью”*. Смоделируем архитектуру художественного концепта *“Византия”*.

Далее представляется интересным рассмотреть средства объективации концептов-элементов вышеперечисленных субконцептов с учетом того, что «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества, определяется нами как *номинативное поле концепта*» [7, с. 47]. Когнитивно-герменевтический анализ текста романа выявил следующие номинанты номинативных полей каждого концепта-элемента. Приведём перечень номинантов номинативных полей вышеперечисленных концептов-элементов.

Номинативное поле субконцепта *“образ Византии”* состоит из двух концептов-элементов и имеет следующую структуру: концепт-элемент *“статус на мировой арене”* представляет собой сочетание четырёх номинантов: *«опасный и могущественный сосед Киевской Руси – Великая Византийская империя»*; *«огромная империя»*; *«Византия, унаследовавшая не только силу, торговые пути, но и авторитет Римской империи»*; *«могущественная держава»*. В пятитомнике Ф.И. Успенского «История Византийской империи» подчеркивается тот факт, что «византийский двор по блеску и роскоши превосходил всё, что знала тогдашняя Европы, и что этикет придворных церемоний, на исполнении которого византийцы очень настаивали, должен был производить чарующее впечатление» [9, с. 414].

Номинативное поле концепта-элемента *“мировоззрение”* состоит из четырёх концептов-элементов: *«никто лучше Византии не знает, что такое величие»*; *«гордая столица не только не признавала, но и презирала рабские армии окраин»*; *«византийские строители ориентировали крепостную оборону на орды кочевников, и, не помышляя об*

угрозе со стороны Киевского княжества»; «византийское право – кто первым прыгнет выше всех и точно попадет в седло».

Номинативное поле субконцепта **“государственное устройство Византии”** представляет собой разветвленную структуру из 62 двух номинантов. Так, концепт-элемент **“столица”** – это сочетание десяти номинантов: *«Царьград, столица Византии», «столица тогдашнего цивилизованного мира», «столица, которую на Руси называли Царьградом», «гордая столица»,* более того, лексема *Царьград* употребляется в тексте романа ещё 6 раз, поскольку «лингвокультурный субстрат может быть актуализирован как номинациями культурно специфических предметов, так и стилевыми особенностями; идеологические воззрения способствуют созданию так называемой атмосферы эмоционального содержания» [10, с. 243]

Номинативное поле концепта-элемента **“управление”** состоит из тридцати номинантов: *«император Константин Багрянородный», «продуманность системы сбора налогов в огромной империи», «липкая паутина чиновничества, связавшего Византию в прочное единое целое», «пышность императорских приемов», «императорское послание», «император не только простит тебе убийство, но и пожалует тебя патрицием», «приговорен к смерти в Византии самим императором»; «наместник византийского императора Калокир»; «повеление императора следовало исполнить, во что бы то ни стало», «тяжела и беспощадна рука Константина Багрянородного», «Калокир получил повеление императора», «саму империю со столицей защищала личная гвардия императора <...> лучшие жители собственно Византии», «один император менял другого проверенным путем дворцового переворота или столь же проверенной крысиной поступью яда»* и ещё 8 употреблений номинанта *«император»* для описания этого правителя и его действий, *«в далекой Византии свершился государственный переворот», «император Византии Никифор Фока»,* 4 употребления номинанта *«император»* для описания императора Фоки, его действий, *«император Роман», «император Цимисхий»,* 1 номинант *«император»* для описания этого правителя.

Концепт-элемент **“граждане Византии”** состоит из двадцати двух номинантов: *«византийский дворянин Асмус», «странники из Византии»; «Византийские строители»; «византийский вельможа»; «византийцы»;* номинанта *«ромей»,* употреблённого в именительном падеже 1 раз и в других падежных формах шестнадцать раз: *«ромеев»* (10 раз), *«ромеям»* (6 раз).

Субконцепт **“религия”** менее детален по сравнению с двумя вышерассмотренными. Так, концепт-элемент **“священство”** представлен только тремя номинантами: *«византийский священник», «византийский патриарх»* – номинант употреблён 2 раза и концепт-элемент **“вера”** представлен тремя номинантами: *«самая страшная христианская клятва», «княгиня Ольга негласно приняла христианство византийского толка»; «византийцы и болгары веруют во единого Господа Бога».*

Номинативное поле субконцепта **“военные действия”** примечательно тем, что состоит из двух антагонистических концептов-элементов: концепта-элемента **“победы Византии”** и концепта-элемента **“поражения Византии”**. Концепт-элемент **“победы Византии”** состоит из семи номинантов: *«византийцы вели беспощадные войны с миром, считавшимся куда менее развитым»; «у Византии была самая большая, хорошо вооруженная армия, выдающиеся, отлично подготовленные полководцы»; «самый крупный в мире военный флот держал под контролем все Средиземное море»; «боевые корабли имели на вооружении «Греческий огонь»; «силы Византии были неисчислимы»; «(идея) разгромить и навсегда выбросить их за пределы Византии»; «была жестокая сеча, но, в конце концов, византийцы ворвались в город».* Концепт-элемент **“поражения Византии”** состоит из четырёх номинантов: *«они (византийцы) увязли в войне с арабами»; «завязнув в Месопотамской войне за проверенные тысячелетиями торговые пути с Востока на Запад»; «Византия увязла в войне с арабами за Великий шелковый путь и не рискнет воевать в обе*

стороны»; «византийский император ринулся на приступ, но, получив отпор, сразу же отошел».

Номинативное поле субконцепта **“экономическое развитие”** состоит из трёх концептов-элементов и имеет следующую структуру: концепт-элемент **“торговля”** представлен восьмью номинантами: «*пленные, которых вы продаете византийским купцам как рабов*», «*рынки рабов в Кафе или в самой Византии*»; «*византийская броня стоит очень дорого*»; «*византийцы вели обширную торговлю со всем культурным миром*»; «*самый крупный в мире торговый флот держал под контролем все Средиземное море*»; «*Византия вела обширную рабовладельческую торговлю, покупая в соседних странах (особенно в Киевской Руси) мальчиков и девочек*»; «*орда берет дань с византийских купцов, но ровно столько, сколько позволяет (Свенельд, киевский воевода)*»; «*хазарские товары, предназначенные для торговли с западными странами через Византию*». Концепт-элемент **“товары”** состоит из шести номинантов: «*византийская броня, которую стрелы вятичей пробить не могли*»; «*византийские кольчуги*», «*византийские наплечники*», «*византийские доспехи*»; «*не просто доспехи, а броня личной стражи Царьграда с длинными, прикрывающими дружинника до плеч, полукруглыми коваными щитами*»; «*тяжелая византийская броня*». Концепт-элемент **“богатство”** представлен четырьмя номинантами: «*обворожило сверкающее богатство столицы тогдашнего цивилизованного мира*», «*пышность императорского двора*»; «*Византия не считает золота*»; «*Крым с богатейшими византийскими владениями*».

Субконцепт **“византийская политика”** имеет самое разветвлённое номинативное поле, в состав которого входят четыре концепта-элемента. Так, концепт-элемент **“Византийская дипломатия”** реализуется в восьми объёмных по форме выражения номинантах: «*византийский мед легче проникает в душу, нежели грубый звон мечей и вопли дружинников*», «*великая княгиня очарована приемом, оказанным ей в Византии*», «*самым большим завоеванием греческого государства следует считать создание особой внешней политики, получившей в истории многозначительное название «Византийской»*»; «*византийцы такой клятвы мне не давали*», «*германскому императору до Византии было далеко, опасаться особенно нечего*»; «*первое, что сделал император Византии Никифор Фока, был мир с Болгарией*»; «*он (император Фока) просит болгар прислать в Византию невест для сынов бывшего императора Романа из добрых духом и знатных родом болгарских семей*»; «*сначала – византийская политика, а только потом – военные действия*». Концепт-элемент **“интриги”**, репрезентирующих одно из ключевых направлений византийской внешней политики, состоит из 26 номинантов, имеющих сложные лексико-грамматические и синтаксические конструкции: «*византийцы ничего не делают от широты души, для них хорошо только то, что выгодно империи*»; «*хитрые византийские ходы*»; «*(византиец Асмус) плел паутину, держа кончики в руках*», «*Византия, которая никогда и никого не прощает*»; «*Византия пришлет кого-то другого*»; «*нужен повод для византийских происков*», «*от императора Константина Багрянородного поступило распоряжение натравить на хазар русские рати*», «*кто именно разрушает попытки Византии нацелить рати Великого Киевского княжения против хазар?*», «*разгром каганата очень нужен Византии*», «*это была глубоко продуманная система натравливания одних врагов Византии на других*»; «*в этом искусстве интриг, провокаций, споров и ссор империя не знала себе равных*», «*меж Византией и Хазарским каганатом лежала Киевская Русь. Значит...*»; «*броня из Византии – сорок пудов золотом заплатил за нее Калокир и сам же доставил в Киев*»; «*Византия платит тебе, великий князь, а не Киеву*»; «*война нужна Византии*», «*ее старая мечта – травить нас (русичей) в эту войну, чтобы по трупам наших воинов прорваться к Великому шелковому пути*»; «*Византия предлагает тебе сорок пудов золота, если ты ворвешься в Болгарию*»; «*тебе предлагает Византия, великий князь*»; «*(Калокир предлагает) Трон Византии*»; «*(Византийцы и болгары) нам необходимо объединить наши силы, чтобы жить в дружбе и любви, и совместно дать отпор язычникам киевлянам*»; «*в этом и заключалась основная суть византийской политики*».

загрэбать жар чужими руками»; «у Византии есть обычай с пользой тратить запасы византийского золота»; «восточной печенежской орде мы готовы заплатить чистым золотом за набег на Киев»; «в этом и заключался основной план византийского императора»; «болгары дрались отважно и гибли сотнями, надеясь, что вот-вот придет помощь из Византии»; «жертвуя своими крепостями, они (болгары) выигрывали время для Византии».

Номинативное поле концепта-элемента **“разведка Византии”** состоит из шести номинантов: «Византии известно все», «Византия пронохала»; «Византия не должна знать об этом», «кто нанес удар по замыслам Византии», «у Византии всегда была превосходная разведка», «Святослав знал и об отличной разведке византийцев», «торговые люди, византийские». Последний в перечне номинант подчёркивает тот факт, что даже торговые люди были шпионами, сочетая два вида деятельности. Концепт-элемент **“взаимоотношение с Русью”** состоит из шести номинантов: «получив богатейшие дары от императора», «послы, которые придут в Киев, потребуют участия наших дружин в войне Византии на ее сирийских окраинах», «Византия готова принять в свой состав русскую рать на особых и очень щедрых условиях», «Византии нужны наши воины», «Византийцы Цимисхия молча смотрели, ничему не препятствовали».

Таким образом, когнитивно-герменевтический анализ архитектоники романа Б. Васильева «Князь Святослав» выявил комплексную модель художественного концепта **“Византия”**, состоящую из восьми субконцептов (в статье детализированы только шесть), шестнадцати концептов-элементов, номинативные поля которых представлены ста сорока шестью номинантами, с простой и сложной структурой, что говорит о разветвлённой матрице индивидуально-авторской проекции лингвокультурного концепта **“Византия”** в когнитивно-сюжетном контуре исследуемого исторического романа.

Вне сомнения объём номинативного поля лингвокультурного концепта **“Византия”** и художественного концепта **“Византия”**, репрезентированного в романе «Князь Святослав», различен, тем не менее, выявленные разноформатные номинанты представляют достаточно полную авторскую проекцию политико-экономико-культурного статуса одной из величайших империй мира в истории цивилизации, чей литературный образ недостаточно исследован в филологической науке, несмотря на тот факт, что Византия оказала значительное влияние на становление русской государственности в результате частых контактов в течение нескольких веков, в эпоху эволюционирующего развития и превращения нашей Родины в Третий Рим.

Библиографический список

1. Аскольдов А.С. Концепт и слово // Русская словесность. – М., 1997.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 148 с.
3. Еременко Е.А. К вопросу о статусе понятия «художественный концепт» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Том. 12 (58). – 2006. – № 3. – С. 120-124.
4. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. – Н.Новгород: Деком, 2001. – 167 с.
5. Кузнецова А.В. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация // European Social Science Journal. – 2011. – № 4. – С. 155-161
6. Надёжкин А.М. «Закат» концепта // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Филология. – 2011. – № 6 (2). – С. 452-454.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
8. Сергеева Е.В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 5(56). – С. 98-102.

9. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Кн. в 5-ти томах. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2002».
10. Юзефович Н.Г. Субстрат “идеология коллективизма” в произведениях Эйн Рэнд // Политич. лингвистика. – Екатеринбург. – 2012. – № 4. – С. 242-248.
- Источник фактического материала**
11. Васильев Б. Князь Святослав. – М.: Вагриус, 2007. – 256 с.

УДК 81-25

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ДЕЭМОЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕЧИ И
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МИМИКРИИ**

Штеба Алексей Андреевич

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград

alexchteba@yandex.ru

**CORRELATION BETWEEN THE PROBLEMS OF DEEMOTIONALISATION
OF SPEECH AND EMOTIONAL MIMICRY**

Shteba Alexey Andreevich

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd

Аннотация

В статье рассматривается проблема эмоциональной мимикрии, под которой понимается бессознательное подражание говорящим эмоционально-активной коммуникативной среде на примере анализа современного состояния Интернет-коммуникации. Отмечается, что данная проблема является следствием инструментальной гиперэмоционализация коммуникативного пространства, приводящей к потере говорящим возможности адекватного эмоционального реагирования на стимулы окружающей действительности. В результате аффективные стимулы вызывают появление аффективных реакций. Появляющиеся стимулы могут иметь только эмоционально активную форму для привлечения внимания адресата.

Ключевые слова: гиперэмоционализация, деэмоционализация, эмоциональная мимикрия, эмотив-стимул, эмотив-реакция.

Abstract

The article deals with the problem of emotional mimicry that is considered as an unconscious imitation of the reaction to the emotionally charged communicative environment. It is shown that this problem is a consequence of an artificial hyperemotionalisation of a contemporary communication which leads to the lost of possibility to react adequately to real stimulus. Affective stimulus excite affective reactions. But such kind of stimulus can only have this emotional form in order to attract the attention of the audience.

Key-words: hyperemotionalisation, deemotionalisation, emotional mimicry, emotive stimulus, emotive reaction.

«Любыми способами довести бойца до кипения <...>.

Потом тщательно заткнуть его тряпкой.

Тот раскалится добела... раздуется от злости... начнет давиться...

тогда вы вынимаете затычку, и он – алле-гон!

– выплескивает максимум энергии и воинственного духа!»

Р. Гари. Вино мертвецов

Любой элемент объективной и субъективной действительностей вызывает эмоциональную реакцию. Отличается последняя только по степени интенсивности, когда, по умолчанию, данное отражение эмоционально-оценочно. Подтверждением высказанного тезиса является, к примеру, наивное развитие эмоциональной компетенции у ребенка родителями, когда нейтральный стимул характеризуется взрослым эмоционально-оценочно и/или экспрессивно. Таким образом осуществляется искусственное концентрирование внимания ребенка на некотором объекте и вызов интереса к нему. Именно по этой причине эмоционально- и субъективно-значимая информация лучше закрепляется в памяти по сравнению с той, которая не вызывает активного эмоционального отклика.

Эмоциональные реакции могут быть как естественными, так и искусственными. Если первый тип достаточно подробно изучен в психологии и лингвистике, то проблемы симуляции и имитации эмоций еще не получили достаточного изучения в лингвистике. Осложняет данную ситуацию то обстоятельство, что, зачастую, эти два понятия используются недифференцированно, что размывает имеющиеся логико-предметные и смысловые границы между ними. Целью данного сообщения является рассмотрение смежного с указанными выше понятиями – понятия мимикрии в лингвистическом преломлении и частичной характеристики с его помощью особенностей эмоционального реагирования современного языкопользователя.

Биологический термин *мимикрия* синонимизируется с явлениями имитации и плагиата. Общим семантическим основанием для переноса данного понятия из области естественных наук в гуманитарные стало подражание одного объекта свойствам и признакам (как правило, внешним) другого объекта. По указанным основаниям в ономастике и в рамках ее нового прикладного направления – нейминговой экспертизы [см. 5], данное понятие используется для обозначения процесса «переноса положительной оценки качеств исходного субъекта рекламы на означаемое нового имени-мимикрии, которое такими качествами подчас не обладает, а лишь "паразитирует" на известном брэнд-нейме» [1, с. 112].

Понятие мимикрии частотно используется в исследованиях массовой коммуникации, где под ним понимается такое представление информации, при котором становится трудным или невозможным установить степень ее достоверности [4, с. 213]. А.А. Семихатских значительно расширяет объем понятия мимикрия, к которому относит и факт привлекательности одной информации по сравнению с другой. Подобная трактовка понятия мимикрии сближает его с манипуляцией (на что, впрочем, указывает автор статьи). При этом принципиально важным является разграничение, в первую очередь, понятий симуляции и имитации, с одной стороны, и мимикрии - с другой. А уже после обнаружения дифференциальных признаков целесообразно рассматривать функциональный аспект мимикрии.

Мимикрия суть явление социальное [см. 3]. Она возникает как реакция более слабого объекта на стимул в виде опасности для дальнейшего развития и жизни. Это защитная реакция на угрозу как форма адаптация к данным условиям существования. Как следствие, отрицательная коннотация, которую закрепило в себе понятие мимикрии в гуманитарных науках только поверхностная. На самом деле, между мимикрией и, к примеру, паразитизмом имеется существенное различие на уровне целей: и паразитирующий, и мимикрирующий объекты приспособляются к некоторого внешнему объекту, более сильному, более безопасному. Но целью мимикрии является выживание в данных условиях, а паразитирования – жизнь за счет ресурсов объекта-донора.

Французский ученый П.-М. Бодонниер [7, р. 32-45], выделяет следующие признаки, разграничивающие понятия миметизма и имитации: селективность, самосознание и осознание другого. Селективность заключается в том, что мимикрия инстинктивна, а имитация интенциональна: имитируют всегда определенное лицо, определенное явление, в определенном месте и в определенное время. Исследователь отмечает, что мимикрия у человека проявляется под воздействием толпы (поведение на стадионах, концертах,

политических собраниях и под.) Сознательная мимикрия, в отличие от инстинктивной, приравнивается к явлению социального облегчения (*facilitation sociale*), когда у индивида имеется намерение извлечь личную выгоду из подражания действиям другого лица. В полтора года ребенок начинает подражать действиям другого лица. Последнее происходит на реактивном синхронном данному моменту времени действием и представляет собой осознание или, скорее, познание другого. Позднее ребенок познает себя и начинает играть в подражание, самостоятельно имитируя увиденные в прошлом действия. Коммуникативная мимикрия реактивна в своей основе, поскольку является отражением внешнего стимула в форме меняющейся языковой/коммуникативной действительности.

Мониторинг актуального контента разного рода Интернет-источников позволяет заключить о гиперэмоционализации коммуникативного пространства пользователей «всемирной паутины». Вне зависимости от характера информации реакции на нее, как правило, носят не объективный, фактуальный, а субъективный характер. Большая часть такого рода субъективной информации аффективна, следуя трехчастной типологии эмотивов [6], поскольку основным содержанием сообщений-реакций пользователей, комментирующих некоторое общественно-политическое, культурное или социальное событие, становятся эмоции. Подобная гиперэмоционализация свидетельствует не столько о значимости того или иного события-стимула, сколько об отсутствии рефлексии у информируемого лица.

Одной из причин появления таких квазирациональных реакций можно считать излишнюю представленность в современных СМИ эмоциогенной информации. Таким образом, фактуальные данные о том или ином событии заменяются его эмоционально-оценочным описанием. Выбор формы представления информации, зачастую, не соответствует его значимости.

Подобная манипулятивная тактика привлечения внимания потенциальной аудитории свойственна языку СМИ. Для примера обратимся к анализу двух событий региональной значимости, ставших темами новостных заметок и вынесенных в рубрику актуальных новостей службой автоматической обработки и систематизации новостей «Яндекс-Новости» за 08.01.2016 и 10.01.2016: возгорание автомобиля и уборка снега. Заголовок первой из указанных новостей имел следующую форму: *«Пассажирский автобус «Mercedes» горел в центре Волгограда»*. Региональные СМИ, освещающие данное событие, выбирали более эмоциогенные формы представления новости:

- 1) *В центре Волгограда днем горел автобус (Московский комсомолец)*
- 2) *В центре Волгограда загорелся автобус Mercedes с водителем в салоне (Блокнот Волжский)*
- 3) *В центре Волгограда загорелся пассажирский автобус (Все для Вас)*
- 4) *В центре Волгограда горел моторный отсек в пассажирском автобусе «Mercedes» (Комсомольская правда в Волгограде).*

При выборе заголовка для статей на обозначенную тему СМИ руководствовалось воздействием на потребность человека в безопасности, показателем чего выступает многократное упоминание типа автобуса - пассажирский, а также акцентирования внимания на том, что в транспортном средстве находился человек. Интенсификация значимости и опасности данного события усиливается посредством использования глаголов несовершенного вида с семантикой длительности и незавершенности действия к моменту речи либо глаголов совершенного вида с приставкой за-, которая в русском языке имеет значение начала действия. В тексте новостного сообщения указывается, что пожар был ликвидирован за 15 минут, пострадавших не было.

Следующий новостной заголовок – *«Управляющие компании Волгограда проигнорировали уборку снега во дворах»* позволил пронаблюдать за реализацией подобных коммуникативных тактик:

- 1) *Волгоградские УК не справляются со снегом (VI.ru)*
- 2) *Управляющие компании Волгограда пренебрегают уборкой снега (Волгоградское Деловое Телевидение)*

- 3) *Волгоградские управляющие компании накажут за бездействие во время снегопада (City134.ru)*
- 4) *15 Волгоградских УК станут фигурантами административных дел (Ахтуба34.ru)*
- 5) *УК Волгоградской области не торопятся убирать снег (Волжский.ру)*
- 6) *Управляющие компании Волгограда игнорируют уборку снега, пренебрегая здоровьем горожан (Блокнот Волгоград)*
- 7) *Управляющие компании Волгограда не спешат заниматься уборкой снега (Комсомольская правда в Волгограде)*
- 8) *Волгоградские управляющие компании отлынивают от уборки снега (Родной город).*

Помимо потребности в безопасности на выбор формы выражения данного события оказало влияние намерение автором новостных блоков воздействовать на потребности в принадлежности и уважении. По этой причине в текстах новостных заголовков используется оценочная лексика, часть которой относится к тематической группе «преступления»; действиям управляющих компаний дается правовая оценка, что явно не входит в полномочия журналистов.

Таким образом, беглого взгляда на характер представления СМИ информации достаточно, чтобы определить их доминантную установку - привлечение внимания и, соответственно, извлечение прибыли, а не информирование адресата.

Нельзя забывать также о том, что СМИ играют особую роль в формировании мировосприятия граждан. Современные исследования, посвященные проблеме агрессии, выделяют такую особенность информационной среды и ее восприятия аудиторией, как снижение порога восприятия сцен насилия [2, с. 5]. Как следствие, пресса (как печатная, так и электронная) реализует и дидактическую, обучающую функцию. Читатель погружается в, как правило, искусственно созданную использованием отрицательно-оценочной и экспрессивной лексики и грамматики деструктивную среду, на стимулы которой он вынужден реагировать. Переизбыток отрицательной информации приводит к деэмоционализации адресата, что является следующим логичным этапом развития гиперэмоционализации. Наступает состояние неинтенциональной эмоциональной мимикрии, лишенной логико-предметного и даже эмоционального основания. Это отсутствие эмпатии как следствие эмоционального выгорания или утомления говорящего. Последний только следует принятому в окружающей его коммуникативной среде поведению и реагирует на внешние стимулы эмоционально по форме и нейтрально по содержанию.

Популярные социальные сети позволяют искусственно повысить эмоциогенность каждого размещаемого события по причине целой системы условных знаков одобрения/неодобрения сообщения. При этом адресат данного сообщения ставится в условия, в которых ему навязывается позиция оценивающего субъекта. Бесспорно, данным правилам виртуального общения можно пренебречь, но, в таком случае, это можно сравнить с пассивным и незаинтересованным участием в диалоге (полилоге) приятелей. Данная семиотическая система поощрений/критики, выработанная в сети Интернет, сужает спектр эмоционального реагирования пользователя до уровня «плюс» (*Мне нравится*), «минус» (*Мне не нравится*). Примечательно, что комментирование сообщений в социальных сетях не только возможно, но и приветствуется. Однако в этом случае нарушается эффект интимности сказанного и уже объектом оценивания может потенциально стать написавший комментарий пользователь. Но даже при условии экспликации эмоционального отношения в тексте комментария, объем последнего, как правило, ограничен. В результате, происходит пошаговый процесс гиперэмоционализации адресата, ограничения вероятностного поля способов эмоционального реагирования и последующая деэмоционализация.

Деэмоционализация как чрезмерная аффективизация речи, делающая ее избыточно эмоционально-насыщенной нормативна для современной Интернет-коммуникации. Подтверждением этому является частотное использование слов, лишенных логико-предметного значения (например, *жесть*, *капец* и под.). Деэмоционализация говорящего

проявляется в том, что данные лексические единицы используются для характеристики как положительных, так и отрицательных событий вне зависимости от их социальной и личностной значимости. Наблюдается исчезновение внутреннего субъективного разграничения субъективно интересного от неинтересного: говорящий мимикрирует эмоции, делает «как все», повторяет предлагаемую модель эмоционального реагирования.

Опасность описываемой мимикрии заключается в том, что эмоции неотделимы от мотивов говорящего. Использование аффективов указывает на сильную заинтересованность говорящего, его возбужденность, вызванную определенной информацией-стимулом. В действительности, эмоционально-активное реагирование на информацию в сети Интернет является только подражанием конвенциональной модели поведения. Доступ к интенциям говорящего осложнен наслоением мимикрируемого эмоционального переживания на истинные эмоции. Подобное смешение эмоциональных состояний создается субъектом исключительно с целью оставаться в группе «Своих», соответствовать правилам, вызывать интерес и привлекать внимание. Истинные же установки говорящего сознательно скрыты и подавлены требованиями конвенционального поведения.

Другими словами, эмоциональная мимикрия, приводящая к деэмоционализации говорящего по содержанию и гиперэмоционализации его сообщений по форме, является способом социальной адаптации к окружающей обстановке. Основу такого приспособления составляет подражание, которое представляет собой фактор, способствующий созданию благоприятных условий жизнедеятельности в определенной среде, но при этом обесценивающая личность человека, его индивидуальность.

Библиографический список.

1. Бабенко И.И.. Коммуникативный потенциал рекламного имени (на примере вербальной мимикрии) // Вестник ТГПУ. 2007. – Выпуск 2 (65). Серия: Гуманитарные науки (Филология). – С. 111-115
2. Комалова Л.Р. Язык и речевая агрессия: анализ. обзор. – М.: РАН. ИНИОН, 2015. – 75 с.
3. Розов М.А. Мотивы научного творчества и явление социальной мимикрии // Эпистемология и философия науки. – № 1 – 2009. – С. 33-52
4. Семихатских А.А. Манипуляция массовым сознанием через мимикрию паблик рилейшнз в печатной журналистике // Исследовательская деятельность студентов: научные и прикладные аспекты общественных и гуманитарных дисциплин. - Москва, 2015. – С. 212-216
5. Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 208 с.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
7. Baudonnière P.-M.. Le mimétisme et l'imitation : Un exposé pour comprendre, un essai pour réfléchir. - Flammarion: Dominos. - 1998. - 128 p.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.347.78.034

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Гейко Наталья Романовна, Лапшина Наталья Валентиновна

Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»,
г. Костанай

charmsmile2009@mail.ru, natalya.denisenko.87@mail.ru

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF SOCIO-POLITICAL VOCABULARY

Geiko Natalya Romanovna, Lapshina Natalya Valentinovna

Kostanai branch of FSBEU HPE "Chelyabinsk state university", Kostanai

Аннотация

Целью статьи является выявление особенностей перевода лексики общественно-политического текста на материале англоязычных статей из Washington Post и Guardian, и их перевода, размещенного на сайте ИноСМИ за январь – февраль 2016 года. Анализ лексики англоязычных изданий показал, что журналисты для описания происходящих событий используют фразеологизмы, атрибутивные группы, неологизмы, метафоры и метонимии и другие лексические единицы, вызывающие трудности при переводе. Сравнительно-сопоставительный анализ показал, что при переводе общественно-политической лексики используется весь спектр переводческих трансформаций, а именно транскрипция, транслитерация, описательный перевод, калькирование, конкретизация, генерализация и многие другие.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, перевод, переводческие трансформации.

Abstract

The aim of the article is to identify the characteristics of language translation of socio-political text on a material of English-language articles from the Washington Post and The Guardian, and their translations, posted on the website InoSMI for the period January – February, 2016. An analysis of the vocabulary of English publications showed that the journalists using idioms, attribute groups, neologisms, metaphors and metonymy and other lexical units to describe the current events. Comparative analysis showed that translators use the whole range of translation transformations, namely transcription, transliteration, descriptive translation, tracing, concretization, generalization, and many others in the translation of political lexicon.

Keywords: socio-political vocabulary, translation, translation transformation.

В последнее время переводы общественно-политических изданий с английского языка на русский язык приобрели невиданный ранее размах. На наш взгляд, связано это, в первую очередь, с происходящими общественно-политическими и экономическими событиями во всем мире, и в России и США в частности. Журналисты стараются описать происходящие общественно-политические явления с особым колоритом, используя разнообразные средства языка, это, конечно, придает текстам общественно-политической тематики яркость, образность, привлекательность, но требует от переводчика определенных навыков, знаний и опыта переводческой деятельности. В мире информационного бума информация важна

здесь и сейчас, перевод общественно-политической новости должен быть оперативным, в противном случае, теряется его актуальность и необходимость.

Перевод общественно-политических текстов имеет свои особенности и проблемы, часть которых подробно описаны в учебных пособиях по переводу общественно-политической лексики с участием русского и английского языков (Крупнов В.Н. Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика (1979), Т.И. Гуськова, Г.М. Зиборова Трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский (2000), Трибунская В.Н. Учебное пособие по переводу текстов общественно-политического содержания (2004), Осетрова Е. Е. Английский язык. Учебное пособие по общественно-политическому переводу (2005), Терехова Е.В. Двусторонний перевод общественно-политических текстов (с элементами скорописи в английском языке) (2006), В. В. Алимов, Ю. В. Артемьева. Общественно-политический перевод (2009), Общественно-политический (общий) перевод: Практический курс перевода (2012), Беспалова Н.П. Котлярова К.Н. Лазарева Н.Г. и др. Перевод и реферирование общественно-политических текстов (2012). Большая часть вышечисленных изданий содержит только практический материал, а теоретические сведения и описание процесса перевода общественно-политических текстов в них отсутствуют.

Данная статья посвящена описанию особенностей перевода общественно-политических текстов на лексическом уровне. Лексическое наполнение текстов общественно-политических статей разнообразно и представляет собой сочетание как терминологической, так и общеупотребительной лексики.

Целью статьи является выявление особенностей перевода лексики общественно-политического текста на материале англоязычных статей из *Washington Post* и *Guardian*, и их перевода, размещенного на сайте ИноСМИ за январь – февраль 2016 года.

Анализ лексики англоязычных изданий показал, что журналисты для описания происходящих событий используют фразеологизмы, атрибутивные группы, неологизмы, слова иностранного происхождения и многие другие лексические единицы.

Рассмотрим вышеназванные лексические единицы на примерах.

Перевод фразеологизмов и идиоматических выражений:

1. Пиррова победа президента Порошенко. – *A Pyrrhic Victory for President Poroshenko* [1].

В словаре *Abby Lingvo 12* *Pyrrhic victory* – *пиррова победа* (сомнительная победа, не оправдывающая принесенных ради неё жертв). В данном предложении переводчик подобрал словарное соответствие для словосочетания *Pyrrhic victory*.

2. “*This is the canary in the mine for mental health services*” said Farmer.

Это ‘*канарейка в шахте*’ для служб охраны психического здоровья (в Англии многовековой опыт добычи угля, и канарейки запускались в шахту в качестве индикаторов повышенного содержания метана, что грозило взрывом, перев.), – сказал Фармер.

При передаче словосочетания *the canary in the mine* на русский язык переводчик использовал переводческий комментарий, который, на наш взгляд, не совсем полно отражает смысл данного предложения.

В современном языке идиоматическое выражение *канарейка в шахте* (англ. [miner's canary](#)) обозначает нечто, что сигнализирует об опасности, считаем, что этого пояснения было бы достаточно для раскрытия основного смысла предложения.

Перевод атрибутивных групп:

3. Recently, the Ukrainian security services uncovered *an eight-man-strong terrorist cell* in Kharkiv. Недавно украинские службы безопасности раскрыли *террористическую ячейку* в Харькове, в составе которой было восемь человек [2].

При переводе многочленного атрибутивного словосочетания *an eight-man-strong terrorist cell* (*террористическая ячейка, в составе которой было восемь человек*) на русский язык переводчик применил следующие трансформации: перестановка внутри

словосочетания, добавление (*в составе которой было*), опущение прилагательного *strong* - *сильный, обладающий большой физической силой*.

4. open-arm policy – политика распростертых объятий

В электронном словаре Abby lingvo 12 словосочетание *open-arm* не зафиксировано, зато есть словосочетание *with open arms* – с распростертыми объятиями, переводчик передал на русский язык словосочетание *open-arm policy* – *политика распростертых объятий* по аналогии перевода словосочетания *open door policy* – *политика открытых дверей*. При переводе произошло изменение следования частей словосочетаний – перестановка внутри словосочетания.

Перевод неологизмов:

Среди основных способов перевода неологизмов выделяют транскрипцию, транслитерацию, калькирование, описательный перевод и другие переводческие приемы. Однако исследование показало, что чаще всего переводчики отдают предпочтение транслитерации и транскрипции.

5. Last month, protesters staged a *die-in* at St Pancras station in London against plans to clear the area of the Jungle [3].

Неологизм *die-in* «*дай-ин*» – групповой протест против строительства атомной электростанции; форма протеста с использованием символического изображения смерти. Неологизм *die-in* переведен с помощью переводческой трансформации – транскрипции, однако слово *дай-ин* практически не знакомо русскоязычному населению, вследствие чего могут возникнуть трудности в понимании данного предложения.

6. A *blackout* in Ukraine is a reminder of the dangers of *cyberattacks*. – *Блэкаут* на Украине является напоминанием об опасности *кибератак*.

Одно из значений слова *blackout* временное отсутствие электрического освещения (обычно вследствие аварии) [4]. Неологизмы переведены следующим образом: *blackout* – транскрипцией, *cyberattack* – транслитерацией.

7. In making those investment officials appear to be favoring smaller-scale, unmanned systems, such as a newly developed *micro-drone*.

В этом вопросе чиновники, по всей видимости, отдают предпочтение таким более миниатюрным, автоматическим системам, как новый *микро-дрон*.

Далее в статье поясняется «Эти крошечные, помещающиеся на ладони устройства, созданные при помощи 3D-печати, можно сбрасывать в больших количествах с бомбардировщиков, летящих на большой скорости» [5]. В данном случае переводчик передал неологизм *micro-drone* на русский язык транслитерацией, а последующее предложение полностью раскрыло значение этого неологизма.

Перевод слов иностранного происхождения:

Чаще всего в англоязычных изданиях встречаются франкоязычные слова. Например: *coup d'état* – государственный переворот, *du jour* – очень модный и популярный, *bête noire* – предмет особой ненависти или отвращения; жупел в предложениях и другие.

8. Johnson said last week that he would endorse one side in the referendum campaign with a “*deafening éclat*” soon after the prime minister reached a deal in Brussels [6].

Французское слово *éclat* – *раскат; взрыв; треск осколок; обломок*, однако в англоязычном словаре Abby lingvo 12 имеет следующие значения: *brilliant or conspicuous success, effect, approval; acclaim; applause, etc.*

При переводе слов иностранного происхождения необходимо пользоваться словарями, подбирать эквивалент в соответствии с контекстом. Прилагательное *deafening* – *оглушительный, очень громкий, оглушающий*, существительное *éclat* – *блестящий (замечательный) или явный успех, результат, одобрение, шумное приветствие, аплодисменты*, соответственно словосочетание “*deafening éclat*” – *сверх ошеломительный успех*.

Перевод фраз из известных литературных произведений:

9. *Something's Rotten in the State of Ukraine*. – *Прогнило что-то в украинском государстве* [12].

Фраза из трагедии «Гамлет» (действ. 1, явл. 4) Уильяма Шекспира. Слова Марцелло “*Something's Rotten in the State of Denmark*” [7], изменены в газетной статье на *Something's Rotten in the State of Ukraine*.

Эту фразу употребляют иронически, когда говорят о признаках явного неблагополучия где-либо, притом, что его причины еще не совсем ясны или о них предпочитают умалчивать [8].

При переводе важно было сохранить традиционный перевод, чтобы фраза легко была узнаваема носителями другого языка. Переводчик справился с поставленной задачей.

Общественно-политический текст – текст, который сочетает в себе особенности художественного и специального текстов, поэтому лексическое наполнение общественно-политического текста многогранно, что в свою очередь создает определенные трудности для переводчика. При передаче общественно-политической лексики с английского языка на русский язык переводчики применяют различные переводческие трансформации, которые помогают добиться адекватного перевода. Среди наиболее часто используемых трансформаций следует отметить калькирование, перестановки, описательный перевод, традиционный перевод, транскрипция, транслитерация.

Однако полностью раскрыть значение неологизма и безэквивалентной лексики, используя лишь такие приемы, как транскрипция и транслитерация, не всегда удается. Переводчику важно доносить смысл лексической единицы, не имеющей эквивалента в языке перевода.

Библиографический список

1. Аслунд А. Пиррова победа президента Порошенко. [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160219/235478202.html>
2. Корева А. Что 2016 год принесет Украине? [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/country_ukraine/20160111/235004347.html
3. Khomami N. Calais orders up to 1,000 residents of Jungle camp to leave by Tuesday. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2016/feb/20/calais-orders-up-to-1000-residents-of-jungle-camp-to-leave-by-tuesday>
4. Блэкаут на Украине является напоминанием об опасности кибератак [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160218/235461352.html>
5. Райан М. Пентагон раскрыл бюджетные приоритеты на 2017 год: сохранение военного преимущества над Россией и Китаем. [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160202/235251176.html>
6. Watt N. Michael Gove and five other cabinet members break ranks with PM over EU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2016/feb/20/michael-gove-and-five-other-cabinet-members-break-ranks-with-pm-over-eu>
7. eNote . [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enotes.com/shakespeare-quotes/something-rotten-state-denmark>
8. Академик. Словарь крылатых слов и выражений: Прогнило что-то в Датском государстве. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2266/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%BE
9. ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/>
10. The guardian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/international>
11. Washington post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/>
12. Рагозин Л. Прогнило что-то в украинском государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160220/235489666.html>

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 81/574

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ярема Татьяна Владимировна

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза
Yarema_745@mail.ru

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE KAZAKH LANGUAGE IN MODERN EDUCATION

Yarema Tatyana Vladimirovna

Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz

Аннотация

В статье рассматриваются имеющиеся проблемы внедрения и развития казахского языка в систему образования Казахстана

Ключевые слова: государственный язык, образование, многонациональное государство, национально-культурное многообразие, языковая политика, национальная политика, проблемы.

Abstract

The article considers the existing problems of implementation and development of the Kazakh language in the education system of Kazakhstan

Keywords: state language, education, multinational state, national-cultural variety, language policy, national policy, problems

Для того, чтобы начать говорить о языке, нужно для начала понять, что такое язык и для чего он нужен? Язык – многофункциональное явление. Все функции языка проявляются в коммуникации. Выделим основные функции языка:

- коммуникативная (или функция общения) – основная функция языка, использование языка для передачи информации;
- конструктивная (или мыслительная) – формирование мышления индивида и общества;
- познавательная (или аккумулятивная функция) – передача информации и её хранение.

Казахский язык – государственный язык Республики Казахстан. Казахский язык входит в кыпчакскую подгруппу тюркских языков, а тюркские языки входят в состав алтайской языковой семьи [1].

Первое с чем должен справляться современный язык – это образование, что включает в себя: Программы дошкольного образования; Программы для школ; Программы для колледжей и профтехучилищ ; Программы для институтов уровня «Бакалавр»; Программы для институтов уровня «Магистратура»; Докторантура; И дальнейшая практическая и теоретическая научная деятельность. Рассмотрим же проблемы внедрения и развития казахского языка во всех стадиях образовательного процесса:

1) Дошкольное образование. Ситуация в дошкольном образовании обстоит довольно неплохо. Достаточно садики с различными языками воспитания, есть группы с русским языком обучения, есть с казахским и очень много групп со смешанным языком воспитания. Написаны вполне приемлемые программы, по которым дети занимаются и достигают хороших результатов.

2) Школьное образование. В школьном образовании ситуация более сложная. Школьники делятся на две категории: первая учится на русском языке, а вторая на казахском языке. С учебниками дело обстоит хоть и сложно, но вполне приемлемо. Но с методическими материалами, такими как карты, сборники упражнений, книги по литературе и самое главное – программное обеспечение, дело обстоит намного хуже, так как это требует значительно больших затрат и внимания к деталям чем просто учебники. К концу средней школы в нашей стране формируется две группы учеников: те, для кого родным языком общения является русский язык и те, для кого родным языком является казахский язык [2].

3) Среднеспециальное образование. В среднем специальном образовании средней школы появилось два направления: колледжи, которые, после поступления в них, начинают обучение по институтской программе, переносят часть программы института в колледж и берут выпускников этих колледжей сразу на 2-3 курс обучения. Ситуация в профессиональных колледжах значительно более сложная чем в школах. По всем специальностям не хватает учебного материала на казахском языке. Особенно плачевно обстоит дело с теми специальностями, в которых требуется работа со станками и техническим оборудованием. Практически вся документация идет на русском или на английском языках. Круг специальностей, по которым можно получить полноценное профессиональное образование значительно уже и касается тех специальностей, в которых не нужно постоянно пользоваться инструкциями, документацией и сложным программным обеспечением. Данная ситуация значительно ограничивает круг специальностей, по которым можно получить полноценное образование и самое главное трудоустроиться по ним [3].

4) Высшее образование уровня «Бакалавр». Высшее образование является одним из самых важных культурных аспектов в жизни общества, так как люди с высшим образованием формируют интеллектуальный уровень и облик страны. К сожалению, ситуация в высшем образовании на казахском языке не очень хорошая. Имеется ряд сложностей при изучении таких общеобразовательных предметов, как, философия, психология и политология [4]. Всем известно насколько тяжело и сложно сделать приемлемый перевод даже одного произведения. К примеру, для перевода философского словаря работает огромное количество авторов и переводчиков, которых, к сожалению, нет в Казахстане в таком количестве. Одной важной проблемой является стоимость данной работы, которую должно оплатить государство, то есть мы с вами, т.к. коммерческой выгоды они не несут. Положение дел с остальными курсами по различным специальностям для институтов и университетов требует доработки, особенно где обучение связано с точными науками, с работой сложного оборудования, с современными теоретическими и практическими разработками (которых зачастую нет даже на русском языке).

Высшее образование уровня «Магистр» и теоретической и практической научной деятельности на казахском языке тоже имеет свои сложности, Учась в магистратуре, наблюдается картина, что написание кандидатских диссертаций, их обсуждение и корректировка происходят на русском языке, а в дальнейшем после написания и утверждения переводятся на казахский язык и защищаются, как диссертации на государственном языке.

За 20 лет независимости, казахский язык получил повсеместное распространение. Казахский язык живет и развивается, многие граждане изучают параллельно 2 языка- казахский и английский, что не может не радовать [5]. Казахский язык за годы независимости получил значительное развитие, количество людей знающих казахский язык увеличилось. Многие люди отдают своих детей в казахские школы, особенно подобное явление, распространено в регионах.

Однако, всё вышеизложенное говорит об имеющихся проблемах в образовании на государственном языке. Также наблюдается устойчивая тенденция к тому, что все наиболее обеспеченные граждане Казахстана обучают своих детей за границей, где как вы прекрасно понимаете, ни о каком казахском языке речи не идет.

Библиографический список

1. Абдыгалиев Б. Государственная политика и межнациональные отношения в Республике Казахстан. Алматы, 1996.
2. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы / Казахстанская правда, 17 февраля 2001 г.
3. Государственная программа функционирования и развития языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы. – Астана, 2011.
4. Закон РК «О языках в Республике Казахстан». -Астана: ИКФ «Фолиант», 2000.
5. Нысанбаева А. Языковая политика в Казахстане. "Казахстанский патриотизм должен перенять черты американского...". Интернет-ресурс centrasia.ru/news.
6. Озаева О.В. Этнонациональное измерение языковой правовой политики: автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н., Ростов-на-Дону, 2008 28 с.
7. <http://e-history.kz/ru/contents/view/1753> © e-history.kz.
8. <http://www.gylmordasy.kz/rus/category/novosti/>

Электронное научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Международный научно-практический
электронный журнал
№ 2/2016**

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISSN 2412-8953

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 5. Тираж 100 экз.

Издательство Научная общественная организация «Профессиональная наука»

Адрес редакции: Россия, 603037, г. Нижний Новгород, ул. Островского, 9.